

≈ 100 мин

ПЕРВАЯ АВСТРИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Вскоре мы опубликуем перевод работы австрийского коммуниста Альфреда Клара, посвящённой аншлюсу и национальному вопросу в Австрии. Эта статья является своеобразным историческим «предисловием», которое поможет разобраться в тонкостях австрийской истории.

ВАЖНАЯ РЕМАРКА: ФАШИСТСКАЯ СИМВОЛИКА ИСПОЛЬЗОВАНА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ДЛЯ НАГЛЯДНОСТИ, МЫ РЕЗКО ОСУЖДАЕМ ФАШИЗМ.

Говоря об истории Коммунистической партии Австрии, необходимо упомянуть её партию-прародительницу — Социал-демократическую рабочую партию Австрии (далее, СДРПА), основанную на объединительном съезде нескольких социалистических групп, проходившем в Хайнфельде с 30 декабря 1888 по 1 января 1889. Партия эта охватывала всю территорию тогдашней Австро-Венгрии, но уже на Вимбергском съезде 1897 была расколота на 6 национальных отделений, которые порой конкурировали между собой. Перед началом Первой мировой в этой хорошо организованной, поддерживаемой большинством пролетариата партии господствовало реформистское и анти-революционное крыло под руководством Карла Реннера, Виктора Адлера, Энгельберта Пернерсторфера и Карла Лейтнера.

ОНИ ОТКРЫТО ПОДДЕРЖАЛИ РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ — ОСНОВНЫМИ ИХ АРГУМЕНТАМИ ЯВЛЯЛИСЬ БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕРБОВ ОТ ВЛАСТИ РУССКИХ И УНИЧТОЖЕНИЕ САМОГО РЕАКЦИОННОГО РЕЖИМА ЕВРОПЫ — РУССКОГО ЦАРИЗМА¹ .

После этого умеренную оппозицию им в партии составила состоявшаяся ещё до войны «левая», а по сути центристская, соединяющая революционные фразы с реформистскими поступками фракция во главе с Отто Бауэром, Фридрихом Адлером и Терезой Шлезингер. Основной её тактикой борьбы с правым крылом СДРПА была воспитательная работа среди членов партии. Также около неё сформировалась группа связанных с «Циммервальдской левой» революционных рабочих и молодёжи, требовавших более активной борьбы против войны и социал-предателей. Её можно считать предтечей КПА, но у неё не было ещё своей программы, ей предстоял долгий процесс выработки идеологической ясности и сплочения революционных элементов² .

Большое влияние на австрийское рабочее и левое движение оказали убийство Фридрихом Адлером министр-президента Карла фон Штюркга, фактически устранившего парламент и сконцентрировавшего в своих руках всю власть, и Февральская революция 1917 в России. Первое событие, во-первых, ещё больше расширило брешь между реформаторами (правой и «левой» фракциями СДРПА),

присоединившимися в той или иной степени к буржуазной травле Адлера, и революционерами, всеми силами поддерживающими убийцу. Во-вторых, для австрийского пролетариата, на 3 году войны испытывавшему крайнюю нужду, это убийство послужило боевым призывом к борьбе за мир. Но была у этого и другая сторона: левые радикалы, яро поддерживая Адлера, не критиковали его тактику, вследствие чего пролетарские массы, особенно венские, видели в нём революционного борца и в дальнейшем беззаветно следовали за ним. Второе же событие, кроме того, что явилось мощным толчком для радикализации рабочих, уничтожило последний официальный довод реформистов в поддержку империалистической войны.

Октябрьская революция нашла мощный отклик среди пролетариата Австро-Венгрии, особенно на фоне ухудшающегося положения в тылу (в частности, в январе 1918 г. норма выдачи хлеба по карточкам снизилась до 100 г в день). Масла в огонь подлило и затягивание переговоров в Брест-Литовске. 14 января на военных заводах Винер-Нойштадта, одного из центров деятельности левых радикалов, началась забастовка. При активном содействии последних она перекинулась на остальную страну (на пике в ней участвовало 700 тысяч человек по всей Габсбургской монархии). 16 января в том же Винер-Нойштадте был создан первый рабочий Совет, а 18 числа того же месяца — в Вене.

Левые радикалы принимали активное участие в этих событиях, выдвигали в листовках следующие требования: немедленное перемирие на всех фронтах; избрание уполномоченных по заключению мира; отмена милитаризации предприятий, военных законов и всех политических ограничений; немедленное освобождение всех политических заключённых (в первую очередь Фридриха

Адлера). Но они не были достаточно влиятельны среди рабочих и опытны, чтобы противостоять руководству СДРПА, легко взявших руководство забастовкой в свои руки. Правительство же, напуганное масштабами забастовки, пошло на соглашение с лидерами руководящего правого крыла Социал-демократической партии: в обмен на частичные реформы и обещание не выдвигать аннексионистских требований к Советской России они обязались прекратить стачки. И действительно, 25 января забастовка закончилась.

Действия «левого» блока в СДРПА во время стачки дальше революционных речей не пошли. Многие леворадикалы же были заключены под стражу.

НО ПОДАВЛЕНИЕ ЗАБАСТОВКИ НЕНАДОЛГО ОТСРОЧИЛО ГИБЕЛЬ ПРОИГРЫВАЮЩЕЙ В ВОЙНЕ ДУНАЙСКОЙ МОНАРХИИ, РАЗРЫВАЕМОЙ НАЦИОНАЛЬНЫМИ И СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ.

Уже 1 февраля в далмацком порту Катарро (Которе) вспыхнуло восстание австро-венгерских моряков с 43 судов (около 6 тысяч человек, в основном не немцев) и рабочих порта, основными требованиями которых было заключение мира с Советской Россией на советских же условиях и признание права наций на самоопределение. 17 июня в Вене поднялся голодный бунт, а затем вновь объявлена всеобщая забастовка из-за очередного понижения пайка. К августу количество дезертиров из армии достигло 100 тысяч человек, а к октябрю — 250. В сентябре в Одессе восстал австрийский полк, отправляемый на

Балканский фронт. Попытки сначала лидеров социал-демократии (3 октября), а затем и императора Карла (16 октября) вступить в переговоры с националистами не увенчались успехом — и уже 21 октября немецкие депутаты Рейхсрата создают Временное национальное собрание Австрии и исполнительный Государственный совет во главе с уже упомянутым правым социал-демократом Реннером. Австрийский пролетариат из-за отсутствия революционной партии не смог воспользоваться поражением крупного капитала и аристократии в Мировой войне и неорганизованностью мелкой буржуазии, и после короткого периода двоевластия и всеобщей венской забастовки 12 ноября была провозглашена Республика Германская Австрия, часть Германской республики³, а 13 ноября Карл I отстранился от управления государством, а после был выслан из страны.

**ФАКТИЧЕСКИ, МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ
УМЕРЛА. ПОСЛЕ НЕЁ В АВСТРИИ ОСТАЛОСЬ
1/3 ПРОМЫШЛЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ ИМПЕРИИ,
ОТРЕЗАННЫХ ОТ СТАРЫХ РЫНКОВ СБЫТА И
РЕСУРСНЫХ БАЗ И СЛИШКОМ БОЛЬШИХ ДЛЯ
ПОКРЫТИЯ НУЖД СТРАНЫ;**

6 миллионов населения, 1/3 из которых была сконцентрирована в столице, а 45% — заняты в сельском хозяйстве, устаревшем по меркам времени; безработицу, в 1919 году составлявшую 12 %, а максимума достигшую в 1933 — 24 %; старый неэффективный бюрократический аппарат, который успешно перекочевал в

республику. Во главе новой Австрии вплоть до начала 20-х стояла коалиция правого руководства СДРПА (поддерживаемого «левой» фракцией), которое активно распространяло миф о народной республике⁴, о готовности ответить на любое посягательство буржуазии на Республику, использовавшего около-революционную риторику⁵ в сочетании с реформистской тактикой (что и составило суть австромарксизма), с мелкобуржуазной Христианско-социальной партией. Потом, после консолидации правых сил, коалиция развалится, и вплоть до начала 30-х 2 партии будут бороться за власть⁶, пока последняя не выйдет относительным победителем и в союзе с фашистским, поддерживаемым крупными капиталистами, самим государственным аппаратом и иностранными фашистами и реакционерами Хаймвером не установит австро-фашистскую диктатуру Отечественного фронта⁷.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ОТ СДРПА РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ ОКОНЧАТЕЛЬНО ОФОРМИЛАСЬ 3 НОЯБРЯ 1918 ГОДА В КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ ГЕРМАНСКОЙ АВСТРИИ.

Ещё с январской забастовки и вплоть до участия КПГА в парламентских выборах 1920 она, несмотря на революционный энтузиазм, ещё отличалась политической неясностью и значительными колебаниями. Связано это было с политической неопытностью интеллигентских лидеров партии, отсутствием долго периода борьбы с оппортунистами в самой СДРПА⁸, а опыт большевиков был для них

недоступен в полной мере. Сформировалась же партия в условиях революционной ситуации в Австрии, которая поставила перед молодыми коммунистами задачу завоевания власти и установления диктатуры пролетариата. Следствием стал ряд крупных ошибок КПГА ⁹.

Первой из них стало возложение всех надежд леворадикалов на Фридриха Адлера после поражения январской забастовки, их убеждённости в его революционности. Они сделали всё, чтобы усилить и без того немалые симпатии рабочих к заключённому социал-демократу. Но освобождённый революцией бывший лидер «левого» крыла СДРПА отказался от членства в КПГА, остался социал-демократом и начал бороться против коммунистов. Он вернулся в свою фракцию, которая после развала Австро-Венгрии и уменьшения числа крестьянских провинций отказалась от риторики компромисса с мелкой буржуазией. 1 марта 1919 на Национальной конференции местных советов рабочих и крестьян Адлер был выбран председателем Исполкома Советов, но сам он их рассматривал лишь как способ давления на буржуазное государство. Правое руководство СДРПА же использовало симпатии пролетариата к Адлеру для усиления собственного авторитета, чему саму Адлер активно содействовал. Тем не менее, спустя полгода после Революции коммунисты всё ещё считали Адлера будущим вождём пролетарской революции. Эта ошибка в значительной степени парализовала боеспособность партии.

Второй ошибкой было преждевременное создание самой партии, у которой к тому моменту почти не было связей с революционно настроенными рабочими, верными руководством СДРПА.

Третьей ошибкой партии стало первое же её выступление — авантюристическая попытка установления Советской власти в день провозглашения Германской Австрии под руководством тогдашних лидеров партии: Эльфриды Фридляндер¹⁰, её мужа Пауля Фридляндера и Франца Коричонера. Партия была ещё совершенно неизвестной массам, её сторонники были весьма немногочисленны, в её рядах не было ясного понимания о диктатуре пролетариата. Тем не менее, во время рабочей демонстрации вокруг здания Рейхсрата, после провозглашения республики вооружённые солдаты, поддерживающие КПГА, попытались штурмовать Национальное собрание, чем вызвали только панику среди демонстрантов. После поражения солдаты разошлись по городу, вынудили бургомистра Вены вывесить на ратуше красный и австрийский флаги, а также захватили редакцию газеты «Neue Freie Presse». Но партия была настолько незначительная, что массы и по окончании события не поняли, что, собственно, произошло.

Но за 1918-1919 гг. эти ошибки партия смогла преодолеть. За счёт революционно настроенных демобилизованных солдат и пленных, возвращавшихся из России и видевших размах русской революции¹¹, быстро увеличивались численность и влияние партии, крепла она сама. Весной 1919 она имела большое влияние на большинстве австрийских предприятий, кроме нескольких областей — ж/д, телеграфа и т. д. — на которых социал-демократы полностью сохранили свои позиции. Тем не менее, влияние Компартии на Советы оставалось незначительным. Особенно сильно было влияние КПГА на армию (за счёт влияния на демобилизованных и вернувшихся) — в частности, одна часть новоявленной армии Австрии — добровольческого Фольксвера — была под руководством офицеров-коммунистов.

Партия вела открытую политическую борьбу за власть, против парламентаризма, за власть Советов рабочих и солдатских депутатов и диктатуру пролетариата. Но и здесь она допустила ошибку: считая Советы достаточной для себя трибуной и упуская из виду рабочих, в том числе непролетарские массы, которые ещё сохраняли доверие к Парламенту, она не участвовала в Парламентских выборах 1919 года. Кроме того, ничтожное внимание было уделено организационной работе в партии, причём это в партии пытались оправдать грядущим стихийным революционным воодушевлением масс.

Провозглашение Венгерской советской республики 21 марта 1919 имело двоякое влияние на КПГА. С одной стороны, оно явилось новым толчком для революционного рабочего движения и Компартии, к ней присоединились опытные венгерские товарищи. Но с другой стороны, тот факт, что в Венгрии власть взяли совместно коммунисты и социал-демократы, усилил в КПГА мнение о необходимости ожидания революционного созревания «левой» фракции СДРПА, мнение о том, что без этой фракции КПГА не может ничего предпринять. У неё ещё не было ясного понимания сущности и роли как социал-демократов, так и самих коммунистов. Итогом стала недостаточная активность КПГА во время революционного подъёма в Австрии в апреле 1919: по стране проходили голодные бунты, антиправительственные демонстрации, крестьянские волнения; в Донавице рабочие металлургических заводов свергли администрацию и выбрали из своей среды директорию; пиком стала организованная Венским комитетом безработных большая мирная демонстрация, прошедшая 18 апреля, с участием демобилизованных и инвалидов войны, которые выдвинули экономические требования, Эта

демонстрация переросла в политическую, и её безуспешно пытались разогнать вооружённые полицейские (а отряды Хаймвера, брошенные на подавление, колебались) — КПГА же призвала к прекращению борьбы¹² и агитировала за солидарность с Венгрией. СДПГА же отказала советскому правительству Венгрии в союзе, старалась подавить революционный подъём масс, а после (в составе правительства) поддержала венгерскую контрреволюцию¹³.

После 18 апреля КПГА продолжала расти, даже большими темпами. Но окрепла и СДПГА, которая, опираясь на свой мощный организационный аппарат, перешла в наступление на коммунистов, завоевав большинство в важнейших рабочих Советах и тем самым связав в них членов КПГА по рукам и ногам, продолжая проводить среди рабочего класса пропаганду «единства любой ценой», «традиций Хайнфельда». Назначенная же КПГА на 15 июня демонстрация солидарности с советской Венгрией и против разоружения Фольксвера была сорвана инициированным социал-демократами превентивным арестом всего руководящего актива КПА¹⁴ и откладыванием разоружения, благодаря чему удалось удержать все, даже коммунистическую, части Фольксвера в казармах. В ходе же самой демонстрации был отдан приказ стрелять по безоружным, оставшимся без руководства демонстрантам. Падение Венгерской советской республики 6 августа ещё сильнее уменьшило возможность борьбы за власть австрийских коммунистов.

**КПГА УПУСТИЛА СВОЙ ШАНС ДЛЯ ВЗЯТИЯ
ВЛАСТИ ВЕСНОЙ 1919, НО ОСОЗНАЛА ЭТО
ТОЛЬКО В 1920. ВПЛОТЬ ДО ВЕСНЫ 1920**

ОНА ПРОДОЛЖАЛА БОЙКОТИРОВАТЬ ПАРЛАМЕНТ, И ТОЛЬКО ПОСЛЕ II КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА, ПРИЗНАВШЕГО ПРАВИЛЬНОЙ ТАКТИКУ УЧАСТИЯ КОМПАРТИЙ В БУРЖУАЗНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ, И ЛЕНИНСКОГО «ПИСЬМА К АВСТРИЙСКИМ КОММУНИСТАМ»¹⁵, КРИТИКОВАВШЕГО ТАКТИКУ АВСТРИЙЦЕВ, ПАРТИЯ ПРИНЯЛА УЧАСТИЕ В ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1920 ГОДА.

Подготовиться к ним она не успела, и даже с помощью Социал-демократического объединения революционных рабочих советов, агитировавшего голосовать за КПА, потерпела тяжёлое поражение: на выборах она получила 27 тысяч голосов, 0,9 % от голосовавших, и ни одного мандата в Парламенте. Частично это поражение смогло компенсировать объединение с вышеупомянутым Объединением — после того, как эта действительно левая, но слабо организованная группа в СДРПА, выступавшая против коалиции с буржуазией и за установление диктатуры пролетариата, смогла вместе с коммунистами достигнуть большинства в Исполкоме Советов, правое руководство СДРПА начало активно бороться против неё и осенью 1920 исключила из партии руководителей фракции — Фрея и Рота, после этого присоединившихся вместе со своей группой к КПА.

После присоединения Объединения Компартия приступила к укреплению своей организации и достигла в этом значительных успехов. Вскоре Партия вышла из Исполкома Советов, ставшего орудием в руках реформистов, и он, окончательно потеряв всякое политическое значение, вскоре был распущен.

Хотя на Австрию так и не были наложены военные репарации, к 1922 году Австрия продолжала пребывать в послевоенном экономическом кризисе, усугубленном разрывом экономических связей с бывшими провинциями Австро-Венгрии. Правительство, получившие отказ Лиги Наций в кредитах в конце 1910-х, попыталось залатать дыры в экономике с помощью печати денег — что вызвало гиперинфляцию: в 1921 цены ежемесячно удваивались. Соцвыплаты, введённые социал-демократами, превратились в насмешку, начались голодные бунты (некоторые из них КПА удавалось возглавить и перевести в политическое русло) Единственным, кто оказался в выигрыше от этого, стал национальный и международный крупный капитал — буржуазия выплачивала свои кредиты потерявшими стоимость деньгами, закрывала свои долги, а громадные прибыли, нажитые на распродаже национальных ресурсов Австрии, помещала в твёрдой валюте за границей. Когда же дальнейшее продолжение политики инфляции стало грозить подорвать нормальную экономическую жизнь, христианско-социальное правительство канцлера И. Зейпеля было вынуждено ещё раз обратиться к Лиге Наций с просьбой о кредите¹⁶. После долгих переговоров 4 октября 1922 был заключён Женевский протокол об оздоровлении Австрии, по которому Австрии предоставлялся кредит под гарантии Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии¹⁷, устанавливался жёсткий финансовый контроль над Австрией¹⁸ и т. д. Ещё раз был запрещён Аншлюс. СДРПА на словах выступила против Женевского протокола, в ней самой долго шли дискуссии, но

в конечном итоге в тех местах, где Протокол встречался с Конституцией и требовалось $\frac{2}{3}$ голосов, фракция СДРПА в Парламенте голосовала «за»¹⁹. Единственной партией, ведшей энергичную борьбу против Женевского протокола, стала КПА, предвидевшая, что расходы за санацию упадут на плечи пролетариата. Она пыталась организовать единый рабочий фронт с социал-демократами против санации и реакции и снизу (достигла некоторых успехов), и сверху (безуспешно), за счёт чего усилила своё влияние на массы.

К КОНЦУ 1922 ПАРТИЯ НАСЧИТЫВАЛА 16 ТЫСЯЧ ЧЛЕНОВ. ОНА, КАК БЫЛО УПОМЯНУТО ВЫШЕ, НАХОДИЛАСЬ В ВЫГОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПРОТИВНИКА ЖЕНЕВСКОГО ПРОТОКОЛА 1922 ГОДА. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, ПАРТИЯ НИЧЕГО НЕ ПРИОБРЕЛА, РЯДЫ ЕЁ ПОРЕДЕЛИ, ВСЁ ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА МАССЫ БЫЛО ПОТЕРЯНО. ВСЁ ЭТО СТАЛО РЕЗУЛЬТАТОМ ФРАКЦИОННОЙ БОРЬБЫ ВНУТРИ ПАРТИИ, НАЧАВШЕЙСЯ В КОНЦЕ 1922 И ПРОДЛИВШЕЙСЯ ВПЛОТЬ ДО 1926, ВКУПЕ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ КОМПАРТИИ СО СТОРОНЫ СДРПА.

Частые разногласия и дискуссии были в Партии и раньше, но, во-первых, в революционный период на разбирательство спорных вопросов времени не хватало; во-вторых, партийная оппозиция никогда ранее не принимала характера серьёзной, вполне оформившейся группы. Теперь же факт отсутствия принципиального глубокого обсуждения проблем, встающих перед Партией, особенно ударил по ней.

Борьба началась с мелких вопросов, но связанных с важнейшими политическими проблемами. Вначале была ясна политическая постановка вопросов, но затем борьба всё больше сходила с принципиальной почвы, политические вопросы отступили на задний план, и в партии разразилась борьба за власть между двумя оформившимися фракциями. С одной стороны стоял вышеупомянутый Фрей, ставший к 1922 главой ЦК. Его политическая линия, несмотря на некоторые правые уклоны, была в основном правильной и состояла в том, что Партия путём систематической повседневной работы и применения тактики единого фронта с социал-демократическими рабочими должна завоевать массы пролетариата, чтобы затем иметь возможность повести их на решающую борьбу. Главной ошибкой Фрея было то, что он, не умея путём убеждения привлечь на свою сторону всю партию, всегда пытался действовать организационно-механическими средствами. Противостояла ему левоуклонистская группа Карла Томана и вышеупомянутого Коричонера, у которых никогда не было ясной политической позиции, но они всегда заявляли, что хотят «покончить» с Фреем. И действительно, на VI съезде Партии в марте 1923 Фрей не был допущен в ЦК. Но на этом борьба не окончилась, а лишь разгорелась с новой силой, превратившись в личную борьбу между отдельными лидерами Партии. Деятельность КПА была полностью парализована.

В ЭТОТ ПЕРИОД ОТ ОБЕИХ ФРАКЦИЙ ОТДЕЛИЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК, В ОСНОВНОМ РАБОЧИХ, НАЧАВШИХ БОРОТЬСЯ ПРОТИВ ОБЕИХ ФРАКЦИЙ И ФРАКЦИОННОЙ БОРЬБЫ ВООБЩЕ.

Эту группу, во главе которой стоял уже упомянутый Коплениг, Франц Хоннер и Зигфрид «Фридль» Фюрнберг, поддержал почти единодушно Австрийский коммунистический союз молодёжи и руководство Коминтерна. Они выступали за единство Партии на основе линии Коминтерна. На конференции партии в декабре 1924 эта группа взяла на себя руководство Партией. Обе противоборствующие фракции продолжали ещё существовать и начали борьбу против нового ЦК, обвиняя его в поддержке той или иной группы. Начался долгий процесс изживания фракционной борьбы. Перед VIII съездом в сентябре 1925 Фрей и Томан образовали союз для борьбы с новым ЦК. Этот союз, доказавший всю беспринципность обеих фракций, оттолкнул от них лучших товарищей, результатом чего стало избрание на Съезде ещё более сплочённого рабочего ЦК. Но и на этом борьба дружного, но ещё молодого и неопытного пролетарского руководства с искушенными демагогами не закончилась. В конце 1926 началось новое наступления оппозиции, на что ЦК ответило энергичными мерами и потребовало от функционеров безусловного подчинения партийной дисциплине и отказу от фракционной деятельности под угрозой исключения из Партии. Томан подчинился²⁰, а группа Фрея в составе 30-40 человек была исключена.

Внутрипартийная борьба нанесла тяжёлый удар по партии²¹, но вместе с тем она внутренне окрепла. На парламентских выборах в апреле 1927, сразу после исключения Фрея, она ожидаемо проиграла, получив лишь 16 тысяч голосов. Но это поражение недолго давало себя чувствовать в Партии. На IX съезде в июне 1927 Партия взяла курс на большевизацию, дала анализ создавшегося положения, указала на начавшуюся радикализацию австрийских рабочих, подтвердила свои требования по разоружению фашистских организаций, поднявших в это время голову.

Действительно, на фоне внутренней борьбы в КПА²² происходило усиление примыкавших к консервативно-клерикальному крылу ХСП ветеранских ферайнов и военных формирований (самым крупным из которых был уже упомянутый «Союз защиты родины» — Хаймвер²³) и обострение конфликта между ХСП и СДРПА, с которой были связаны армия ополчения — Республиканский Шуцбунд, который к 1927 насчитывал 100 тысяч членов и множество тайных оружейных складов по всей Вене²⁴. В 1927 этот конфликт вылился в непосредственное вооружённое противостояние: 15 июля социал-демократические рабочие, возмущённые январским нападением ферайна ветеранов на демонстрацию Шуцбунда в Шаттендорфе, весенними провокациями Хаймвера и июньским оправданием нападавших судом присяжных²⁵, устроили в Вене вопреки лидерам СДПРА демонстрацию. Двухсоттысячная толпа подожгла Дворец юстиции, атаковала близлежащие к нему полицейские участки, взяла штурмом редакцию органа ХСП газеты «Рейхспост», разбили регулярную полицию и применённый СДПРА Шуцбунд. Коммунистическая партия, весной этого же года открыто предлагавшая СДПРА поддержать на грядущих выборах социал-демократический список кандидатов

в обмен на борьбу СДПРА против фашистов, приняла активнейшее участие в демонстрации, частично взяла над ней контроль. Коминтерн же приказал ей создавать рабочие советы и готовить массы к восстанию. Но, хотя авторитет КПА в ходе демонстрации был восстановлен, влияние её на массы было ещё недостаточным, а соотношение классовых сил — неподходящим для восстания. В ответ на поджог христианско-социальное правительство с поддержкой СДПРА подавило в течение 2 дней демонстрацию вооружёнными винтовками полицейскими²⁶, а после по стране прокатилась волна массовых арестов²⁷ и травли коммунистов.

СДПРА же впоследствии, до июльских событий, считавшая, что у буржуазии нет средств борьбы с пролетариатом, и хронически боявшаяся Революции, после партийных споров между Бауэром, призывавшим к конфронтации, и сторонником компромисса с ХСП Реннером, заняла промежуточную позицию — объявила однодневную всеобщую забастовку и бессрочную забастовку на транспорте со следующими требованиями к правительству:

1. не усиливать реакционных мероприятий;
2. предъявить обвинения лицам, ответственным за расправу;
3. созвать парламент.

Правительство отказало.

После 15 июля изменился и Шуцбунд. Если раньше эта организация строилась на демократических принципах и вступить в неё мог любой рабочий, то после Поджога Дворца юстиции СДПРА начала активно вытеснять коммунистов из ополчения. Теперь обязательным условием членства в нём стал партийный стаж

в СДРПА более 2 лет, а командиры отрядов стали назначаться сверху. В ответ Компартия создала своё ополчение — Союз Красных фронтовиков. Т.к. руководство Шуцбунда скомпрометировало себя во время 15 июля, рабочие с сочувствием встретили создание новой организации. За несколько месяцев в неё вступило несколько тысяч человек. В ответ его деятельность была запрещена властями.

Также после 15 июля Компартия выступила с требованиями всеобщей стачки, выдачи оружия рабочим, смещения полицай-президента и военного министра и подчинения венской полиции муниципалитету. На похоронах жертв 15 июля Коплениг выступил со следующей речью: «События, происшедшие в пятницу и субботу — это результат долго готовившегося реакционного наступления с целью разгромить австрийский пролетариат. Своим здоровым инстинктом рабочий класс давно уже понял эту опасность... Героическая борьба венских рабочих против правительственной власти была сопротивлением, восстанием против наступившей фашистской реакции. Мы, коммунисты, безоговорочно поддерживаем выступление 15-16 июля!.. Мы, коммунисты, хотим, чтобы крови проливалось меньше, а не больше. Именно поэтому мы требовали и требуем сейчас вооружение рабочих. Фашизм наступает. Ободрённый июльским поражением рабочего класса, он готовится к новым убийствам. Но австрийский рабочий класс не будет разбит, если он сделает правильные выводы и изменит свой путь...» За эту речь и издание листовок он был арестован на 2 месяца по подозрению в государственной измене, но позже был оправдан.

И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ПОБЕДА НАД ПРОЛЕТАРИАТОМ И БЕССИЛЬНАЯ

ПОКОРНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПОДСТЕГНУЛИ БУРЖУАЗИЮ.

Она, готовясь к решающему штурму и воздерживаясь от слишком острых провокаций пролетариата, усилила свои и без того немалые позиции в государственном аппарате, укрепила и централизовала Хаймвер²⁸, вооружила полицию, продолжила начатую ещё в 1920 политику по рекрутированию в армию крестьян, сблизилась с фашистскими правительствами Венгрии и Италии. Следующим шагом стали захват Хаймвером улиц и вытеснение социал-демократических и коммунистических рабочих с заводов и замена их хаймверовцами вместе с созданием хаймверовских профсоюзов, чему безуспешно пытались забастовками противостоять рабочие, брошенные своими профсоюзными лидерами и поддержанные коммунистами. В ответ на попытку коммунистов организовать антифашистскую манифестацию правительство конфисковало 5 номеров партийной газеты КПА, арестовало многих коммунистов и революционных рабочих. Началось прямое сотрудничество полиции и Хаймвера. СДПРА же безуспешно пыталась договориться с правительством, запрещала своим членам сотрудничать с коммунистами в рамках комитетов единства действий против фашистских провокаций. В 1929 году начались выступления Хаймвера с требованиями фашистского путча и конституционной реформы, направленной против власти Парламента²⁹. Противодействие КПА этим акциям и самой реформе заключалось в разоблачении связей Хаймвера с австрийскими промышленниками и иностранными фашистами, организация демонстраций, антифашистского рабочего конгресса. Но эта реформа, подготовленная в правительстве крупного

промышленника Штрерувица, была проведена в жизнь с согласия руководства СДПРА правительством ставленника ХСП И. Шобера, опасавшегося установления прямой диктатуры Хаймвера. КПА вновь не удалось вырвать рабочих из рук правых лидеров СДРПА и повести на непосредственную борьбу. Причинами этого стала организационная слабость партии и неадекватная оценка ситуации — КПА видела перед собой непосредственную революционную ситуацию, содержащую уже элементы гражданской войны. И вместо того, чтобы направить все свои силы на установление единого антифашистского фронта и разоблачении предательской тактики социал-демократии, КПА требовала от рабочих установления диктатуры пролетариата и власти Советов, к чему они остались безучастны. Тем не менее, коммунисты и их выступления, поддержка ими стихийных бастующих стали серьезными препятствиями к установлению фашистской диктатуры. В ответ правительство проводило против коммунистов умеренные репрессии.

Хаймвер остался недоволен результатами реформы и всё дальше отходил от старых буржуазных партий в сторону фашизма. Противоречивыми стали и его отношения с правительством — ХСП продолжало его поддерживать, но Шобер из-за обострённой экономической ситуации и внешнеполитического давления со стороны Малой Антанты³⁰ был вынужден надавить на Хаймвер, сначала предложив ему фиктивный роспуск, а затем выдворив одного из его лидеров, Вальдемара Пабста³¹, из страны. Но при помощи Муссолини они пришли к соглашению, и вскоре главный руководитель Хаймвера Штаремберг стал министром внутренних дел, а пост министра юстиции занял другой хаймверовец — Франц Хюбер. Основным их намерением был государственный переворот, но они не смогли справиться с бюрократией. Кроме того, усиливались независимые

от Хаймвера нацисты.

В условиях Мирового экономического кризиса и обладая большими денежными средствами от своих покровителей, крайне-правые силы достигли больших успехов и на Парламентских выборах 1930 года. Хаймвер, выступивший как отдельная партия, получил 227 тысяч голосов и 8 мандатов, DNSAP³² — 111 тысяч голосов и ни одного мандата. КПА же выборы вновь проиграла, достигнув по голосам результатов 10-летней давности, хотя и увеличила количество голосов на 27% по сравнению с 1927. ХСП на этих выборах потеряла около 442 тысяч голосов, позиции СДПРА не пошатнулись. Кроме того, в 1931 году Хаймвер оказался в тяжёлом кризисе — некоторые местные его лидеры перестали признавать руководство Штаремберга, финансовое положение которого пошатнулось, у самого Хаймвера появились конкуренты среди правых боевых организаций в лице кулацких, союзных нацистам Отрядов крестьянской самообороны, организованных мелкобуржуазным союзом Ландбундом, боевой организации ХСП под руководством Курта фон Шушнига — что только добавило лидерам СДПРА уверенности в Республике, в связи с чем они продолжили свою политику преуменьшения фашистской опасности. КПА же предостерегала от иллюзий, указывала на то, что государственный аппарат всё больше сливается с фашистами, на то, что законность фашистов не остановит. Ярким тому примером стала попытка путча Хаймвера в Штирии в сентябре 1931, когда государственные учреждения никак не препятствовали своему захвату. Даже после вынужденного подавления путча сами его участники остались безнаказанными.

1932 стал для австрийских коммунистов годом роста и успехов. Им удалось

мобилизовать широкие массы трудящихся против фашистской угрозы и снижения заработной платы и сокращения социальных прав, в организованных компартией конгрессах единства участвовали тысячи делегатов, в том числе — множество беспартийных и социал-демократов. Также КПА разработала «Программу обеспечения работой», целью которой являлось преодоление последствий экономического кризиса. Конкретные программы подобного рода были разработаны для женщин, молодёжи, крестьян и безработных. Отойдя от попыток установления диктатуры пролетариата, КПА ставила своей главной целью создание единого фронта пролетариата, единственным условием для вступления в который было желание бороться. Избирательную кампанию в ландтаги и общинные советы 1932 компартия проводила под лозунгами борьбы против новой санации и фашизма и получила 40000 голосов. Также она стала оказывать влияние на действительно левую оппозицию внутри СДРПА, но та всё ещё подчинялась руководству своей партии. Но все эти достижения были недостаточными — подавляющее большинство рабочего класса продолжало находиться в фарватере социал-демократического руководства. Кроме того, на фоне успехов нацистов в Германии, активного спонсирования от них и немецкого капитала, проникновение которого в австрийскую экономику достигло высшей точки, и используя многолетнюю пропаганду Аншлюса всеми политическими партиями, кроме КПА, DNSAP быстро усиливалась за счёт немецко-национальных партий, благодаря которым она в 1932 достигла значительных успехов. И хотя между 2 фашистскими направлениями в Австрии, как и между спонсирующей их буржуазией, была борьба, в одном они были едины — в желании подавить рабочее движение. Дрейфовала вправо и ХСП, республиканская власть которой находилась в кризисе.

РОСТУ ФАШИЗМА СПОСОБСТВОВАЛ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС, КОТОРЫЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, УСКОРИЛ КОНЦЕНТРАЦИЮ КАПИТАЛА³³, И, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, УВЕЛИЧИЛ БЕЗРАБОТИЦУ³⁴.

Заработная плата падала, сузились возможности сбыта товаров внутри страны и вне её, из страны вместо готовых товаров всё больше начали вывозить сырьё. В мае 1932 на грани банкротства оказался банк Kreditanstalt, надорвавшийся после поглощения другого крупного банка, Bodenkreditanstalt, но правительство вмешалось, и спасение банка возложило новые тяготы на трудящихся. Не облегчил их участь и новый заём от Лиги Наций, который ещё больше ограничил экономический суверенитет страны³⁵. В этой обстановке агитация фашистов, а в особенности нацистов, имела успех среди молодёжи, мелкой буржуазии и безработных. Попытки Компартии сплотить безработных на борьбу за их жизненные интересы не достигли существенных успехов.

Потеряв немецких националистов в качестве союзников, ХСП пошла на альянс с так же приближающейся к нацистам кулацкой партией Ландбунд (Союз сельских хозяев). Правительство христианского социалиста Карла Буреша, испытывавшее в парламенте всё большие трудности, было вынуждено подать в отставку, и 20 мая 1932, опираясь на депутатов ХСП, Хаймвера и Ландбунда, с большинством всего в 1 голос канцлером и министром иностранных дел стал Энгельберт Дольфус, мало известный до этого как политик. Тем не менее,

Дольфус, начавший свою политическую карьеру в Крестьянской палате Нижней Австрии, сначала в качестве рядового члена, а после учёбы в Берлине и вращения в немецких право-католических кругах в качестве секретаря, имел управленческие достижения и связи в экономических сферах: основав Сельскохозяйственную палату Нижней Австрии (которой и руководил), Федерацию сельского хозяйства и Организацию страхования сельскохозяйственных рабочих, став в 1931 министром сельского хозяйства и лесничества, он внёс решающий вклад в сохранении сельского хозяйства во время Кризиса, закладывая основы для корпоративной организации с/х; в 1930 Дольфус был назначен президентом Федеральных железных дорог, самой большой индустриальной корпорации Австрии, где он смог наладить связи со всеми ветвями экономики. Своей целью на новом посту он видел в установлении авторитарного режима, но тогда (вместе с буржуазией) ещё не был уверен, на кого опереться — на Берлин или Рим. В дальнейшем из-за агрессивных действий Германии выбор пал именно на Рим.

В отношении же социал-демократии Дольфус всё больше убеждался на примере германского её собрата в том, что она не станет для него препятствием, хотя само руководство СДПРА высокопарно презирало СДПГ и утверждало, что капитуляции, подобной роспуску коалиционного правительства Пруссии, в котором значительную роль играли социал-демократы, рейхсканцлером фон Папеном 20 июля 1932, не случится. Для отстаивания буржуазно-демократических свобод они считали достаточными парламентские средства борьбы. Эту позицию критиковали коммунисты, требовавшие мобилизации всего рабочего класса, применения профсоюзных и военных средств, и левые социал-демократы, солидарные в своей позиции с КПА. Показательны заявления

последних на Съезде СДПРА: Кете Лейхтер: «Мы должны констатировать, что обеспечить на деле действенность демократии может лишь такая политика, которая является сознательной политикой силы и постоянно готова применить все средства борьбы, в том числе и революционные средства»; Фридрих Штрассер (после 1934 – член ЦК КПА): «В течение многих лет мы говорили о готовности пролетариата к отпору. Но мы не обеспечиваем этой готовности, обрекая безработных на нищету, отчаянье и полную деморализацию». Но левые не были достаточно последовательными, чтобы сделать из своей критики организационные выводы; не было у них и чёткой позиции об едином фронте с коммунистами, хотя некоторые из них установили связи с КПА. Политика СДПРА осталась прежней, основным её оружием стала апелляция к праву.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ДОЛЬФУС, ДОГОВОРИВШИСЬ С ХАЙМВЕРОМ, ДО ТОГО ПЛАНИРОВАВШИМ ПЕРЕВОРОТ ПРОТИВ НЕГО, И НАЧАВ ПОЛУЧАТЬ ПОМОЩЬ ОТ ИТАЛИИ И ВЕНГРИИ, НАЧАЛ ПРОВОДИТЬ АНТИ-ПАРЛАМЕНТСКИЕ РЕФОРМЫ, ПРИ ЭТОМ ПРОДОЛЖАЯ СЛЕДОВАТЬ В РАМКАХ СТАРОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Он прибегнул к закону военного времени об особых полномочиях (1917), который давал императорскому правительству (изначально в целях снабжения населения продовольствием) право издавать чрезвычайные декреты без

участия Рейхсрата. Закон этот благополучно переключал в конституцию Австрийской республики при попустительстве социал-демократов³⁶. Первый чрезвычайный декрет, изданный 3 октября 1932 министром юстиции фон Шушнигом, был направлен против дирекции обанкротившегося Кредитанштальта, обязывая его компенсировать нанесённый банкротством ущерб. И хотя этот декрет по форме противоречил Конституции, он нашёл всеобщее одобрение, благодаря чему Закон об особых полномочиях стал в дальнейшем маскировкой для процесса фашизации.

Одновременно с этим Хаймвер и DNSAP усилили свою террористическую деятельность против рабочих, отвечая на попытки сопротивления своим мероприятиям убийствами. Этой деятельности содействовали и заграничные покровители – в проведении крупных манифестаций нацистов в Вене участвовали Герман Геринг и Эрнст Рём. В пику им КПА организовала в венских рабочих районах демонстрации против нацистов, чему вновь противодействовало руководство СДПРА. В ответ на нападение нацистов 16 октября на Рабочий дом в районе Вены Зиммеринг и последующего ареста давших отпор шувбундовцев коммунисты потребовали провести забастовку протеста, что нашло весьма широкий отклик, и только благодаря огромным усилиям лидеров СДПРА удалось добиться на Зиммерингской конференции членов производственных советов и доверенных лиц небольшого перевеса голосов в пользу решения против забастовки.

Приход в Германии к власти нацистов и отсутствие сопротивления ему дали Дольфусу новый стимул к устранению Парламента. И шанс для этого ему представился.

Ссылаясь на отсутствие денег в кассе и на новый займ у Лиги Наций, дирекция государственных железных дорог отдала распоряжение выплачивать заработную плату в 3 срока, причём сделано это было через голову профсоюзных деятелей. В ответ 1 марта профсоюзные организации железнодорожников (в том числе свободные, великогерманские и христианско-социальные) объявили 2-часовую забастовку протеста. Ответ правительства был впервые в истории жёстким – используя императорский довоенный указ о запрете забастовок на транспорте, оно пригрозило бастующим судом, армия и жандармерия получили приказ занять вокзалы, арестовать руководителей ж/д-профсоюзов. Забастовка, во время которой железнодорожники оказались предоставлены сами себе, закончилась без каких-либо условий, к самым активным из них были применены административные меры³⁷, сила их профсоюзных организаций была сломлена. В это время СДРПА потребовало провести заседание Парламента для рассмотрения методов подавления забастовки. Одновременно с этим и СДРПА, и Великогерманская народная партия внесли вотум недоверия правительству Дольфуса. В ходе самого заседания 4 марта вотум СДПРА был отклонён, а второй вотум был принят с 81 голосами против 80. Но выяснилось, что один из депутатов СДРПА подал по ошибке 2 бюллетеня со своим именем против правительства, а другой – не голосовал вообще. Фракция ХСП потребовала повторного голосования, что председатель Парламента Реннер отклонил. Но руководство СДПРА решило всё же победить безоговорочно, поэтому убедило Реннера оставить свой пост (что не позволяло ему до этого голосовать). Когда же первый вице-председатель Рамек (ХСП) хотел провести переголосование, социал-демократы, боясь, что члены Великогерманской партии могут изменить своё решения, воспрепятствовали этому. Рамек и вслед за ним вице-председатель от

Великогерманской партии сложили с себя полномочия. Данная ситуация не была предусмотрена порядком работы Парламента, и началась сумятица. Тогда Реннер обратился к президенту Республики Вильгельму Микласу с предложением восстановить социал-демократа в посту председателя Парламента, на что тот ответил согласием.

Но тут руководство социал-демократии допустило ошибку. Оно отказалось опубликовать заявление Микласа в печати. Этим воспользовался Дольфус. Под его влиянием Миклас отклонил предложение социал-демократов. Парламент временно разошёлся. Канцлер же, видя, что в Германии беспрепятственно установился режим нацистов, не стал медлить с окончательным решением парламентской проблемы. В ночь с 7 на 8 марта на основе закона военного времени об особых полномочиях Миклас переназначил Дольфуса канцлером. В своём обращении «К австрийскому народу» канцлер заявил, что парламент сам себя распустил и имеется единственная конституционная инстанция — правительство; парламентский кризис не означает кризиса государственного, поэтому в связи с создавшимся чрезвычайным государственным положением правительство продолжит управлять страной без парламента, на основе вышеупомянутого закона. Депутаты ХСП поддержали его, подразумевая, что позже парламент будет восстановлен в том или ином виде. Первым актом нового правительства стал декрет, запрещающий все собрания и вводивший предварительную цензуру.

И вновь наступил решающий момент, когда рабочий класс мог бы преградить путь, ведущий к фашизму, т.к. в борьбу против Дольфуса пролетариат мог бы рассчитывать на поддержку самых широких непролетарских кругов —

устранение парламента и репрессии вызвали глубокое возмущение населения, вплоть до крестьян и части буржуазии. И вновь не оказалось у рабочего класса готовой к борьбе партии — 8 марта секретарь СДРПА Роберт Даннеберг пошёл на сделку с Дольфусом: в обмен на пересмотр до конца марта порядка работы Парламента с преобразованием бундесрата (верхняя палата, избиравшаяся земскими сеймами) в палату сословий и повторного созыва Парламента социал-демократы дали Дольфусу передышку. Они, боясь вмешательства Гитлера, отказались от всеобщей стачки и вооружённого сопротивления³⁸, пытались умиротворить рабочих, при этом заявляя о своей готовности борьбы. Отто Бауэр в своей речи 10 марта на венском собрании доверенных лиц заявил: «Мы знаем, что мощная борьба за конституцию нанесла бы глубокие раны народному хозяйству страны. Мы знаем, что когда дело дойдёт до решающей борьбы, то будут жертвы, за которые мы сможем ответить матерям нашей страны лишь в том случае, если сделаем до этого всё возможное для мирного решения на основе свободы народа».

На 15 марта было назначено заседание нового парламента. Компартия Австрии 14 марта вновь направила СДПРА предложение об установлении единого фронта, при этом изложив всю серьёзность ситуации, указала на решающее значение момента. Это предложение осталось без ответа. 15 марта в своей газете (отдельно предлагая на период совместных действий отказаться от взаимных нападков) и ещё через 13 дней коммунисты отправили ещё одно письмо правлению СДПРА, в котором подчёркивалось: «Каждый час промедления отпора пролетариата означает капитуляцию перед фашизмом», на что оно соизволило ответить только 5 апреля в своей газете: СДРПА выступает «за единство действий», но считает, что руководство «может быть только в

руках социал-демократии и свободных профсоюзов... Если рабочие-коммунисты, действуя солидарно и дисциплинированно, станут участвовать в боях, которые ведут массы рабочих-социал-демократов, то мы всегда будем это приветствовать». Но на деле СДПРА лишь уклонялась от борьбы.

Так произошло и 15 марта. Руководство СДРПА призвало рабочих быть готовыми к всеобщей стачке в случае помех от правительства для созыва Парламента, а 13 марта приняло решение, что если Дольфус пригрозит использовать силу оружия против Парламента, то это также будет сигналом к всеобщей стачке. Так и произошло. С обеих сторон последовал град угрожающих заявлений и статей. Был мобилизован социал-демократический Республиканский Шуцбунд, вместе с ним приготвились к борьбе рабочие. Австрия была на краю гражданской войны. Но сигнал к наступлению от руководства СДРПА дан не был. Вместо этого депутаты от социал-демократов и Великогерманской партии раньше, чем полицейские, заняли здание Парламента. Вице-президент Парламента, великогерманец Зепп Штрафнер выступил с коротким обращением: «Так как полиция не впустила других депутатов, а мы все представляем большинство, правомочное принимать решения, то я объявляю заседание открытым. В каждом отдельном, случае, когда полиция будет незаконно мешать членам парламента исполнять их конституционные обязанности, я буду возбуждать уголовное преследование. Господа депутаты будут письменно уведомлены о дате следующего заседания парламента. Считаю на этом заседание закрытым». Немедленно после этого полиция очистила зал.

АВСТРИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ПЕРЕСТАЛ

СУЩЕСТВОВАТЬ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ЗАЯВИЛА О СПАСЕНИИ ДЕМОКРАТИИ. ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ ЖЕ КПА, НАХОДЯСЬ ПОД СТРОГОЙ ЦЕНЗУРОЙ, ПИСАЛА: «НУ, ХОРОШО, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИЦИЮ ПЕРЕХИТРИЛИ И ВСЁ-ТАКИ ПРОВЕЛИ ЗАСЕДАНИЕ. НО ЭТО, В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ, БЫЛА ЛИШЬ ДЕМОНСТРАЦИЯ. НО ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ В ФАКТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ?» В МАССАХ РАСПРОСТРАНИЛОСЬ ГЛУБОКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ ПО ПОВОДУ ПОЗОРНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ.

Социал-демократия объявила рабочим, что призыв к борьбе последует лишь в случае генеральной атаки со стороны правительства, и одновременно вступила в переговоры с Дольфусом, полагая, что он отведёт им роль легальной оппозиции в своём сословном государстве. Канцлер же с социал-демократией лишь заигрывал, поощрял продолжение переговоров. Главным орудием Дольфуса против социал-демократов был их собственный страх перед союзом канцлера с нацистами. Поэтому вплоть до реформы Конституции Дольфус не мог пойти на прямой союз с нацистами (к чему его подталкивала союзная новой Австрии Венгрия). Вместо этого он через своих товарищей по ХСП вёл прямые с

ними переговоры. Дольфус рассчитывал, что Гитлер оставит его наместником во втором немецком государстве. Но нацисты собирались захватить единоличную власть, и согласились войти в правительство только в случае объявления новых выборов (а позиции Дольфуса, получившего свой пост большинством в 1 голос, были весьма шаткими), поэтому переговоры провалились.

Правительство Дольфуса изо дня в день совершало действия, систематически ухудшавшие позиции рабочего класса. 31 марта, в ответ на вооружённое сопротивление в Бруке-на-Муре шуцбундовцев обыску, был запрещён Республиканский шуцбунд. В ответ произошли стихийные демонстрации, которые СДРПА не поддержало³⁹. Правительство же, предвидя большее сопротивление рабочих, готовилось к нему, прорабатывая планы подавления, моторизируя полицию, устанавливая на улицах телефонные аппараты для передачи донесений, устанавливая в важнейших полицейских учреждениях агрегаты для выработки электротока. Хаймвер же был объявлен вспомогательной полицией.

Подвергалась жёсткой цензуре газета КПА «Роте фане», была запрещена газета СДПРА «Арбайтер цайтунг». В ответ 25 марта началась стихийная забастовка рабочих типографий всех газет, но из-за возможности новых переговоров с правительством социал-демократы и профсоюзы прекратили забастовку. Проглотили социал-демократы и запрет празднования Первомая. Коммунисты же, призывавшие к совместным демонстрациям в этот день, несмотря на арест многих сотен партфункционеров перед 1 мая, провели в этот день демонстрации в рабочих районах.

В мае 1933 Дольфус перестал заигрывать с парламентариями, открыто заявив, что Парламент в старом виде возрождён не будет. Для создания массовой базы режима, на основе ХСП и Хаймвера был создан Отечественный фронт, в который с помощью политического и экономического нажима загонялись госслужащие и рабочие с зависящих от госпоставок предприятий.

Несмотря на безучастность руководства СДРПА к призывам коммунистов, последним благодаря их активности и доходчивым лозунгам удалось в апреле-мае достигнуть значительных успехов. Оппозиционные группы в СДРПА всё настойчивее требовали единого фронта, во многих местах к 1 мая были созданы совместные комитеты. Правительство, боясь дальнейших успехов коммунистов, начало наступление на них. Первым шагом к запрету КПА стал запрет «Союза рабочей обороны», руководимого коммунистами, и большого надпартийного филиала МОПРа⁴⁰ в Австрии «Австрийская красная помощь», который со своего основания в 1924 году успел оказать материальную и правовую помощь тысячам рабочих, преследуемых реакцией. 26 мая 1933 чрезвычайный декрет запретил Коммунистическую партию Австрии.

Но запрет мог лишь затруднить деятельность коммунистов, а не воспрепятствовать ей. Уже задолго до этого партия была на полулегальном положении из-за конфискации её печати, запрета её собраний, арестов активистов. И газета «Роте фане», 22 июля запрещённая, в августе начала выходить нелегально. Очередные предложения единого фронта руководство СДРПА проигнорировала, надеясь на соглашение с правительством. В то же время классово сознательные рабочие и либеральные буржуазные круги восприняли запрет компартии как прелюдию к удару против всех рабочих

организаций; на многочисленных предприятиях были приняты резолюции протеста.

У СДРПА же нашёлся новый повод для надежд. Ободрённые установлением гитлеровского режима, австрийские нацисты перешли в наступление, сопровождавшееся террористическими актами (в том числе против сторонников правительства Дольфуса) и покушениями. В ответ на это канцлер запретил DNSAP, одновременно изображая борьбу против демократии как борьбу против нацизма, а значит, и за независимость Австрии. Реакция Германии не заставила себя ждать: был введён особый налог на получение визы на въезд в Австрию, из-за чего важный для экономики Австрии (и особенно для мелкого крестьянства, обслуживавшего пеших туристов) поток путешественников из Германии практически иссяк; был введён бойкот австрийских товаров, из-за чего прекратился вывоз леса⁴¹. Эти меры только добавили популярности нацистам, указывавшим, что Аншлюс сразу бы разрешил все эти экономические трудности. Социал-демократы же поддержали Дольфуса в его борьбе с нацистами, согласились, а позже и сами предложили части шуцбунда для охраны границ с Германией совместно с Хаймвером.

Тем временем, перед лицом нацизма⁴² и на основании долгих взаимоотношений режим Дольфуса всё больше впадал в зависимость от Италии. Та, в свою очередь, рассматривала Австрию в качестве будущего моста и границы с Германией и требовала скорейшего решения проблемы социал-демократов, ускорения темпов фашизации. Одновременно продолжалось сближение Муссолини с лидерами Хаймвера.

Давление это вылилось в речь Дольфуса 11 сентября во время марша Хаймвера. На ней он заявил, что приступает к созданию «авторитарного сословного государства». Лидер Хаймвера Штаремберг чуть позже выразился ещё более конкретно: «Для народа Вены совершенно невыносимо, что в городе господствуют большевики. Господин канцлер, гоните их прочь... Не ждите слишком долго, нужно ковать железо, пока оно горячо». Дольфус, чувствуя себя слишком слабым, продолжил свою тактику по изматыванию противника. 20 сентября (вторя указаниям из Рима) он удалил представителей Ландбунда из правительства⁴³, укрепил позиции Хаймвера. Министр внутренних дел хаймверовец Фей стал вице-канцлером. Пошедший на соглашение с социал-демократами в пику своим конкурентам внутри организации хаймверовец Вогуэн был смещён с поста министра внутренних дел на пост президента государственных железных дорог, его место занял генерал-оберст австро-венгерской армии в отставке Алоиз фон Шёнбург-Хартенштейн, монархист. Ради демагогии министром по социальным вопросам стал умеренный депутат от ХСП Рихард Шмиц. Муссолини приветствовал эту реорганизацию правительства, но и её считал недостаточной.

Влияние на рост решимости к антифашистской борьбе в Австрии имело выступление Георгия Димитрова на процессе о поджоге Рейхстага. В ходе большой компании за спасение Димитрова, развёрнутой по инициативе компартии, были обнародованы его выступления против фашизма, его призывы к борьбе.

СДРПА же принимало каждый шаг Дольфуса без какого-либо сопротивления, при этом возлагало ответственность за бездействие на самих социал-

демократических рабочих, на отсутствие стихийных выступлений. Пролетариат же, воспитанный в течение десятилетий в духе партийной дисциплины и ожидания приказов сверху, которому социал-демократические вожди указывали на роковые последствия нарушения дисциплины, в частности, в 1927, ожидал приказа к наступлению, но не получал его. В результате произошло то же самое, что и перед Октябрём 17 — у одной части рабочих возмущение доходило до точки кипения, а другую охватывали чувства отчаяния и робости.

«Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций»⁴⁴ — говорил тогда Ленин. Это же оказалось справедливым и для Австрии в 1933. Под давлением недовольных руководство СДРПА совместно с профсоюзным руководством сформулировали 13 сентября 1933 4 пункта-условия, при которых рабочие без указания должны были начать всеобщую: ликвидация прав венского муниципалитета и введение должности правительственного комиссара для Вены; нападение на профсоюзы; роспуск социал-демократической партии; провозглашение фашистской конституции. Эти 4 пункта распространялись через нелегальные листовки, шло вооружение шуцбунда покупным оружием. Одновременно с этим продолжились тайные переговоры СДРПА с правительством.

Дольфус же, немедленно узнав об этих пунктах, понял границы для своей изматывающей тактики. 23 сентября были созданы концентрационные лагеря для противников режима (в первую очередь, коммунистов и социал-демократов). 27 сентября самораспустился Хаймвер, полностью войдя в Отечественный фронт. В стоявшем напротив венской ратуши и остававшемся пустым здании Bodenkreditanstalt расквартировались хаймверовцы.

На последнем, чрезвычайном съезде СДРПА, прошедшем с 14 по 16 октября с разрешения Дольфуса (при условии, что каждый день он будет получать копию протокола заседания), левая оппозиция, начавшая готовиться к отделению, выступила организовано против правого руководства. Даже Отто Бауэру стало ясно, что проводимая (в основном им самим) политика СДРПА потерпела крах, и он стал настаивать на коалиции с буржуазными партиями против правительства и за демократию. Тем не менее, Бауэру удалось сохранить партийную дисциплину и убедить левых согласиться с общей резолюцией, которая была выдержана в стиле старой тактики. СДРПА призывала рабочий класс вооружаться и оставаться в боевой готовности, а сама продолжила тайные переговоры с Дольфусом. Ради иллюзорного восстановления парламентаризма социал-демократы даже были готовы легализовать его диктатуру. Более того, они в своих официальных органах в январе-декабре заявили о своём согласии с сословным государством на принципах папской энциклики «*Quadragesimo Anno*» (на основании которой строил своё государство Дольфус). Отто Бауэр писал: «Классовая борьба может принять форму спора насчёт понимания энциклики и уже приняла её»

Дольфус же, пользуясь полной поддержкой австрийского крупного капитала, крупных землевладельцев и католической церкви и готовясь к удару, призвал в армию дополнительные 8 тысяч человек, 10 ноября ввел военно-полевые суды и смертную казнь за убийство, поджог и злостное повреждение имущества, арестовал многих доверенных лиц на заводах, предполагая, что они замешаны в подготовке всеобщей стачки. День республики, возложение венков на могилу Виктора Адлера и юбилейные мероприятия по случаю 10-летия избрания социал-демократа Карла Зейца бургомистром Вены были запрещены. Чтобы

облегчить Дольфусу роспуск СДПРА и полное включение ХСП в Отечественный фронт, все духовные лица были отозваны Церковью из ХСП⁴⁵. Несмотря на запрет, продолжались серьёзные переговоры с нацистами, часто напрямую с Берлином. В экономическом же плане правительство Дольфуса за 1933 постаралось переложить все социальные тяготы на трудящихся: был отменён ряд коллективных договоров, снижена зарплата, пособия безработным (некоторые их категории вообще перестали получать пособия), были запрещены забастовки в важнейших отраслях промышленности и отменены производственные советы на госпредприятиях.

**ПОДОБНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОХРАНЯЛИСЬ
ВПЛОТЬ ДО КОНЦА ЯНВАРЯ 1934, КОГДА
МУССОЛИНИ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ НАСТОЯЛ НА
СКОРЕЙШЕМ ПОДАВЛЕНИИ МАРКСИСТОВ И
ФАШИСТСКОЙ РЕФОРМЕ КОНСТИТУЦИИ.
ПРЕДВИДЯ ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ
РЕАКЦИИ, ПЛЕНУМ ЦК КПА, ЗАСЕДАВШИЙ
НЕЛЕГАЛЬНО 20-21 ЯНВАРЯ, ПРЕДУПРЕДИЛ
РАБОЧИЙ КЛАСС ОБ ОПАСНОСТИ
УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЯМОЙ ФАШИСТСКОЙ
ДИКТАТУРЫ И ПРИЗВАЛ К ПОДГОТОВКЕ
ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКИ.**

И действительно, 31 января Хаймвер Тироля перешёл в наступление. 8000 хорошо вооружённых членов организации заняли все стратегически важные пункты в регионе и воспрепятствовали выходу социал-демократической газеты. Они выдвинули требование к главе земельного правительства ультиматум с требованием замены избранного правительства фашистским комитетом и запрета враждебных государству организаций⁴⁶. Вслед за этим был мобилизован Хаймвер по всей Австрии, и только правительство Нижней Австрии отклонило требования фашистов. КПА же ответила на эти выступления воззванием к рабочим: «Из Тироля раздался сигнал тревоги! Нам предстоят решающие дни! Поднимайтесь на всеобщую стачку против фашистов... Принимайте на предприятиях ультимативные требования к правительству... Вперёд, к всеобщей стачке, к свержению диктатуры Дольфуса!» Она, вместе с левыми социал-демократами, пыталась организовать эту забастовку, но листовки, призывавшие к забастовке, были подготовлены лишь к 12 февраля. Руководство СДРПА же призывало рабочих сохранять спокойствие, закупило оружие Шуцбунду и безуспешно пыталось давить на Дольфуса через союзников за границей. На закупку оружия полиция ответила обысками и арестами — были арестованы все руководители Шуцбунда, которых удалось найти (в том числе почти всех руководителей Шуцбунда Вены). СДПРА, тщетно надеясь на выступление буржуазно-демократических элементов в ХСП против требования Хаймвера⁴⁷, на аресты никак не ответила, только создала исполнительный комитет. В руководстве партии уже господствовало пораженческое настроение⁴⁸. Дольфус же, вернувшись 9 февраля из Будапешта, принял требования Хаймвера и надавил на главу правительства Нижней Австрии.

12 ФЕВРАЛЯ РЕАКЦИИ ПРЕДСТАВИЛАСЬ

ВОЗМОЖНОСТЬ НАНЕСТИ РЕШАЮЩИЙ УДАР ПО ПРОЛЕТАРИАТУ.

11 февраля секретариат Верхнеавстрийской организации СДРПА во главе с Рихардом Бернашеком, уставший от бездействия, через посыльного передал в Вену, что они привели оружие в боевую готовность и если 12 февраля в каком-либо из городов Верхней Австрии начнутся обыски и аресты доверенных лиц партии и Шуцбунда, то они окажут вооружённое сопротивление и ожидают выступления рабочих по всей Австрии. В 2 часа ночи уже 12 февраля Бауэр по телефону ответил Бернашеку отказом. Зашифрованная телефонограмма была перехвачена полицией и службой безопасности, и они решила начать запланированный обыск оружия ранним утром с социал-демократического дома в Линце. Социал-демократы оказались не готовы к нападению, и Бернашек, пытавшийся оповестить доверенных лиц, был арестован. Но в задних частях дома 38 шуцбундовцев дали отпор, используя винтовки, пулемёты и ручные гранаты. Полиция вызвала на помощь армию. Рабочие оказались в окружении, которое не смогли пробить другие части линцкого Шуцбунда, и были побеждены только тогда, когда у них кончились патроны.

В ответ на бои в Линце несколько венских предприятий прекратили работу, по всей стране начались вооружённые выступления шуцбунда. На многих заводах социал-демократические профсоюзные деятели смогли уговорить рабочих продолжить работать в ожидании команды сверху. Наконец, исполком СДРПА был вынужден проголосовать за всеобщую стачку и мобилизацию Шуцбунда, которому было дано строгое указание не предпринимать наступательных

действий. Одновременно социал-демократы вступили в переговоры с несколькими влиятельными членам ХСП, переговорщики были арестованы. Плохо сработал и призыв к стачке — его не смог довести до всех предприятий штаб центрального боевого руководства, и рабочие на них прекратили работу только после того, как рабочие городской электростанции подали условный знак, обесточив всю Вену. Часто венские шуцбундовцы не могли добраться до своих тайников с оружием, иногда по вине своих же командиров — командир шуцбунда венского округа «Запад» Эдуард Корбель отказался выдать оружие и 13 февраля сдался правительству; связи между очагами восстания не было. И даже в таком положении шуцбунд дал армиям реакционеров отпор, поставил их в тяжёлое положение.

Дольфуса с Феем бои 12 февраля застали врасплох, что могло значительно улучшить шансы рабочих на победу. Но правительство быстро сориентировалось и ответило на нерешительные действия социал-демократического руководства жестоко и методично, осуществляя подготовленный за год нахождения у власти план подавления восстания. Все вооружённые формирования в стране были приведены в боевую готовность, против восставших в нужных местах применяли армию, артиллерию, самолёты, бронепоезда, не было пощады и случайным гражданским. Сыграло на руку правительству и подавление забастовки железнодорожников годовой давности. Рабочие не решились на стачку, и ж/д было в полном распоряжении реакции. Одновременно с боями заработал военно-полевые суды, почти немедленно приводящие свои приговоры в исполнение. 13 февраля правительство мобилизовало все свои резервы, на его призыв о помощи ответило 2000 офицеров-пенсионеров. 15 февраля бои в Вене завершились, 17 февраля

прозвучал последний выстрел во всей Австрии. Многие шуцбундовцы бежали в Чехословакию, а позже — в СССР, другие — вступили в КПА.

Итогами боёв стало подтверждение запрета СДПРА (что было сделано уже 12 февраля), арест или побег за границу её лидеров, которые ещё до окончания борьбы оставили своих последователей, роспуск 1500 других рабочих организаций, включая профсоюзы, вместе с конфискацией их имущества. За весь 1934 было арестовано 7 тысяч коммунистов и 12 тысяч социал-демократов.

**ФАШИЗМ ТОРЖЕСТВОВАЛ ПОБЕДУ НАД
ОРГАНИЗАЦИЕЙ, КОТОРАЯ В ТЕЧЕНИЕ
МНОГИХ ЛЕТ СЧИТАЛА, ЧТО НАХОДИТСЯ
НАКАНУНЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ;
ОРГАНИЗАЦИЕЙ, В КОТОРОЙ СОСТОЯЛО 650
ТЫСЯЧ ЧЛЕНОВ, ЗА КОТОРУЮ ГОЛОСОВАЛО
ПОЛТОРА МИЛЛИОНА ИЗБИРАТЕЛЕЙ,
КОТОРАЯ ПРЕДСТАВЛЯЛА 90% РАБОЧИХ.**

У поражения социал-демократии, а вместе с ней и всего австрийского рабочего класса, было 4 причины — в неверных принципах организации Шуцбунда, приведших к отрыву Шуцбунда от масс и других организаций социал-демократии и воспитании самих масс в духе отрыва от борьбы, переложения её на Шуцбунд; в противоречии между революционной волей шуцбундовцев и реформистской политикой социал-демократического руководства, которое

рассматривало Шуцбунд не как средство действия, но только как средство давления на правительство, сковывания активности радикальных социал-демократов, подавления стихийных выступлений рабочих и вселения в рабочий класс чувства безопасности, из-за чего общего боевого руководства у Шуцбунда никогда не было; в изначальной тактике Шуцбунда во время восстания, направленной именно на оборону, а не наступление⁴⁹; в отсутствии поддержки восстания всеобщей стачкой. Последняя — и главная из всех — причина в свою очередь явилась результатом многолетнего воспитания масс со стороны СДРПА в духе бездействия, поражения забастовок 1933, во время которых бездействовало само правое руководство СДРПА. Кроме того, невозможно было внезапно объявить всеобщую стачку без подготовки.

Левое же крыло, верное партийной дисциплины, не раскололо партию, а последовало за ней во тьму. Поражение всеобъемлющей СДПРА и одновременная с ним победа французского Народного фронта, созданного не столь мощными коммунистической партией и социалистами, над фашистским путчем стали яркой иллюстрацией вывода В.И. Ленина: «Единство — великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нужно единство марксистов, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма!»⁵⁰ Многие рабочие отвернулись от СДРПА, осознав банкротство её тактики.

Но кроме того Австрийское восстание стало важной вехой международного рабочего движения. Оно наглядно показало, что есть альтернатива безвольному подчинению поднимающемуся фашизму. Оно разрушило реформистские иллюзии насчёт мирного, безболезненного вращивания капитализма в социализм. Но и II Интернационал пытался нажить политический капитал на восстании

австрийских рабочих, представляя, что на борьбу их повела СДРПА.

За многие недели и месяцы до Февраля 1934 ЦК КПА, численность которой хоть и увеличилась за 33 год, но всё ещё не позволяла руководить рабочим движением, пропагандировал всеобщую стачку, вооружение рабочих и революционное восстание, указывало, что мобилизацию невозможно провести в 1 конкретный день, её необходимо проводить путем отдельных боевых выступлений. Во время восстания коммунисты отчаянно сражались вместе с шуцбундовцами. 20 же февраля Компартия обратилась к революционным рабочим с призывом: «Объединяйтесь в рядах коммунистической партии, идите под её руководством вперёд, от февральского восстания к Красному, большевистскому Октябрю! Долой фашистскую диктатуру виселиц! Да здравствует Советская Австрия!» Призыв этот был своевременен, т.к. среди подавляющей части рабочих отсутствовало настроение депрессии, причём наиболее прогрессивные из них были глубоко убеждены, что именно политика социал-демократии, то есть, буржуазно-парламентская политика привела рабочее движение к банкротству. В таких условиях пролетариат ясно видел, что единственной альтернативой фашистской диктатуре Дольфуса стала диктатура пролетариата⁵¹. Ярким примером воздействия этих революционных идей стало необычайно быстрое сплочение сил казалось бы побеждённого шуцбунда, верящего в новое восстание.

При этом Компартия понимала и разъясняла массам, что лозунг «Красный Октябрь» — не конкретный призыв к действию, а во-первых, показ конечной цели их борьбы, и во-вторых, констатация факта, что австрийский рабочий класс проиграл битву, но не проиграл всей войны; также Компартия боролась

против иллюзий скорой победы. XII съезд КПА, прошедший в сентябре 1934 в Праге⁵², указывал на то, «в настоящее время ещё не имеет предпосылок для успешного восстания». Коммунисты поставили перед рабочим классом задачу: «он должен сперва снова собрать свои силы, снова организовать и в ходе повседневной борьбы проверять и закалять свои силы». Компартия несла в массы вывод о необходимости и возможности отдельных боевых выступлений. Позже партия вновь поставила перед собой задачу построения единого фронта.

Режим Дольфуса же не смог добиться успехов нацистов по включению пролетариата в свою корпоративную систему, не смог в полной мере использовать победу над СДРПА⁵³. Рабочие отвечали презрением на призывы вступить в ряды Отечественного фронта. Невелики были и результаты DNSAP на этом поприще. Хотя некоторые отряды Шуцбунда переходили к нацистам, а другие вели переговоры о передаче или продаже оружия, случаи эти носили единичный характер. Большая заслуга в этом принадлежит КПА, единственной организованной силы рабочего класса, листовки которой буквально наводнили страну. Была разрушена стена недоверия между коммунистами и социал-демократами: тысячи бывших членов СДРПА вступали в КПА, работали в ней на тех же правах, что и старые коммунисты. Десятки тысяч других стали читателями нелегальной коммунистической прессы. Компартия стала стала организованным идеологическим и политическим авангардом пролетариата, стала массовой партией. Обращаясь к шуцбундовцам и свободным профсоюзам, она призывала: «Держитесь вместе! Не давайте вас разобщить! Защищайте ваши организации, пусть они продолжают нелегально работать!»⁵⁴, помогала их функционерам восстанавливать структуры на нелегальной основе. Лозунги об уничтожении старых организаций и создании их коммунистических аналогов

был коммунистами быстро отклонён. Продолжала работать за счёт пожертвований в Австрии и за границей организация «Роте хильфе», помогавшая заключённым и организовавшая побег в Чехословакию сотен человек.

Уже упомянутый XII съезд КПА признал былые тактические ошибки партии и воздал должное левым СДРПА за их деятельность внутри социал-демократии, также указав на их ошибки; констатировал, что произошло слияние старых и новых кадров. Последнее нашло отражение и в составе нового ЦК — более половины избранных в него вступили в партию недавно. Съезд поставил перед партией задачу сделать себя главной силой сплочения всего австрийского рабочего движения за интересы рабочего класса, свержение фашистской диктатуры; создать единый фронт.

Члены СДРПА, не желавшие слиться с КПА и поддержанные рабочими, всё ещё имевшими предубеждения против коммунистов, раскололись на множество групп, ведущей из которых стал группа «Революционных социалистов», которые получили поддержку от эмигрировавших членов правления СДПРА во главе с Бауэром, постепенно взявших курс на борьбу с коммунистами за влияние на массы. Сама группа не была едина — были в ней как сторонники единого фронта, так и его противники.

**КОМПАРТИЯ СРАЗУ ЖЕ ПРЕДЛОЖИЛА
«РЕВОЛЮЦИОННЫМ СОЦИАЛИСТАМ»
СОЗДАТЬ ЕДИНЫЙ ФРОНТ, В ОТВЕТ НА ЧТО
ИХ ПРАВЫЕ ЛИДЕРЫ ЧЕРЕЗ СВОЮ ГАЗЕТУ И**

ПИСЬМО К ИСПОЛКОМУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПРЕДЛОЖИЛИ ОБЪЕДИНЕНИЕ АВСТРИЙСКИХ КОММУНИСТОВ И СОЦИАЛИСТОВ В ОДНУ ПАРТИЮ НА ОСНОВЕ ЕДИНОЙ ТАКТИКИ БОРЬБЫ ПРОТИВ ФАШИЗМА. НО УСЛОВИЕМ ОНИ ПОСТАВИЛИ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПАКТА О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ СОЦИНТЕРНОМ И КОМИНТЕРНОМ.

Руководство первого поддержало эту затею, целями которой являлась компрометация мирового коммунистического движения и отвлечение внимание австрийских рабочих от внутренних проблем социалистов⁵⁵. В ответ КПА предложила «Революционным социалистам» и другим социалистическим группам организовать совместную комиссию по переговорам относительно организационных форм нового объединения и позже провести совместный съезд. Переговоры начались, но антикоммунистические социалисты сначала их затянули, а потом и сорвали. Но коммунисты не оставили свои попытки по организации единого фронта, чего удалось достичь в низовых организациях. Под их давлением руководство социалистов, боявшееся потери сторонников, было вынуждено в июне 34 пойти на соглашение об едином фронте.

ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ НАЦИСТЫ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫЕ ИЗ ТРЕТЬЕГО

РЕЙХА, АКТИВИЗИРОВАЛИСЬ, НАЧАВ КРУПНОМАСШТАБНУЮ КАМПАНИЮ САБОТАЖА И ТЕРРОРА. РЕЖИМ ОТВЕТИЛ ВВЕДЕНИЕМ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ХРАНЕНИЕ ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И СЕРИЕЙ ПРЕВЕНТИВНЫХ АРЕСТОВ, ЧТО ТОЛЬКО ОЗЛОБИЛО ПРОТИВНИКА. 25 ИЮЛЯ 1934 DNSAP ПРИ ПРЯМОМ УЧАСТИИ СВОИХ ГЕРМАНСКИХ КОЛЛЕГ СОВЕРШИЛО ПОПЫТКУ ПУТЧА.

Боевики захватили радиостанции, объявив об отставке правительства. 150 членов СС, переодетых в австрийских военных, захватили Федеральную канцелярию, рассчитывая захватить всех министров и тем самым парализовать врага. Но Дольфус, узнав заранее о выступлении нацистов, распустил членов правительства по министерствам, а сам остался на посту. Он был ранен выстрелом в горло, отказался передать власть нацистам и умер от кровопотери. Помощь же нацистам, не получившим массовой поддержки в своей стране, так из Германии и не пришла из-за вмешательства Муссолини, выдвинувшего по договорённости с Дольфусом свои части к австрийской границе. После 5-часовой осады Федеральной канцелярии боевики сдались на условиях своей неприкосновенности. Путчисты в Каринтии и Штирии сопротивлялись несколько дней и отступили в Югославию. Новым канцлером Австрии по последней воле

Дольфуса стал Курт фон Шушниг.

Пользуясь ситуацией, 26 июля КПА предложила ЦК Революционных социалистов провести всеобщую стачку, но натолкнулась на решительный отказ. 1 же августа коммунисты одержали победу, окончательно отделив Шуцбунд от социалистов и сделав его надпартийной организацией пролетариата. Но социалисты продолжили свой отход от единого фронта, отказавшись 1 сентября от объединительного съезда и начав раскалывать общие спортивные и благотворительные организации. КПА же курс на единый фронт сохранила и ещё раз предложила провести съезд и отправить делегатов на VII Всемирный конгресс Коминтерна. Социалисты отказались. Тем не менее, 2 партиям удалось организовать комитет действия для проведения первой годовщины событий 12 февраля. Но 27 января 1935 года вследствие предательства одного из социалистов полиции удалось арестовать центральный комитет единого фронта, а 28 января — большую часть аппарата социалистов. Суд над ними, прошедший через год, превратился из расправы над нелегальным рабочим движением в трибуну, с которой обвиняли австрийский фашизм. Давление национальной и иностранной общественности вынудило суд вынести мягкий приговор.

Новое их руководство взяло ещё более жёсткий курс на разрыв с КПА, в конце февраля потребовав у социалистов выхода из Шуцбунда как коммунистической организации, а в марте и вовсе отменив соглашение об едином фронте и запретив членам партии любые совместные действия с коммунистами. КПА вновь не отступилась и в конце концов вынудила социалистов пойти на переговоры о новом едином фронте. Стремления к нему внутри самой партии

социалистов добавили также решения VII Всемирного конгресса Коминтерна. В ответ руководство «Революционных социалистов» в сентябре 1935 направило КПА с предложением о союзе, одновременно ожидая отказа от него и распространив 20 тысяч копий предложения по всей стране. Союз на 1 год предлагался на основе отделения нового объединения от Коминтерна и отказе коммунистов от вербовки членов в собственную партию (якобы рабочие должны сами свободно выбирать, в какую из революционных партий им вступать). В рамках союза партии должны были действовать согласно общей программе, но отдельно, без совместных комитетов. Но Компартия согласилась пойти на переговоры об этом союзе, которые по воле руководства социалистов вновь затягивались⁵⁶. Лишь в марте 1936, благодаря уступчивости КПА, было заключено новое соглашение об едином фронте. Коммунисты видели в этом соглашении при всей его непоследовательности первый шаг к созданию широкого народного фронта в борьбе уже за независимость Австрии.

Похожая ситуация возникла и в свободных профсоюзах. Под давлением низовых организаций старым профсоюзным лидерам, ранее выступавшим за раскол с коммунистами, пришлось пойти на соглашение с последними. В июне 1935 произошло объединение центральных профсоюзных органов, а в ноябре 1936 состоялась нелегальная конференция свободных профсоюзов. Отдельного интереса заслуживают дискуссии о работе в Едином профсоюзе — государственном профсоюзе, который к 1936 насчитывал 353 тысячи членов, а к середине 37 — 400 тысяч. Коммунисты перешли от тактики бойкота к активной работе внутри этого профсоюза, что дало также возможность лучше разоблачать демагогию нацистов, и достигли значительных успехов. Они требовали перенести центр тяжести работы всех нелегальных профсоюзов в

легальные организации. При этом КПА не питала иллюзий насчёт возможности завоевания Единого профсоюза. Революционные социалисты же этой тактике противостояли, требуя борьбы за легализацию старых профсоюзов.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ, УВЕЛИЧИВАЛАСЬ УГРОЗА НЕЗАВИСИМОСТИ АВСТРИИ. XII СЪЕЗД КПА УЖЕ В 1934 ГОДУ ЗАЯВИЛ: «ГИТЛЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ, НЕСМОТря НА НЕУДАЧУ ИЮЛЬСКОГО ПУТЧА, НЕ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ПЛАНОВ АНШЛЮСА И БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬ ВОЕННЫЕ ПРОВОКАЦИИ И ПРОВОКАЦИИ, РАССЧИТАННЫЕ НА ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ», УКАЗАЛ, ЧТО НЕЛЬЗЯ НАДЕЯТЬСЯ НА МУССОЛИНИ И ФОН ШУШНИГА И ЧТО ТОЛЬКО АВСТРИЙСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС МОЖЕТ СВОЕЙ БОРЬБОЙ ОТСТОЯТЬ НЕЗАВИСИМОСТЬ.

И действительно, после подавления нацистского путча начались переговоры между Шушнигом и послом Германии Францем фон Папенем. 3 октября 1935 началась Вторая итало-эфиопская война, вследствие чего Австрия лишилась военной помощи от увязшего в колониальных завоеваниях Муссолини. Итогом стало заключение пакта между фон Шушнигом и Гитлером 11 июля 1936 в

Берхтесгадене. По условиям пакта страны обязывались не вмешиваться в дела друг друга, отменяли экономический бойкот друг друга, а многие австрийские нацисты получали амнистию и привлекались к государственному управлению; Австрия была обязана согласовывать свою внешнюю политику с Берлином. В результате в Австрию вновь потекли немецкие капиталы, в первую очередь в сферу около-военных производств.

Коммунисты прекрасно видели, чем грозит Аншлюс — усилением террора против рабочих, необычайными затруднениями в их борьбе, вовлечением Австрии в новую империалистическую войну. Состоявшийся летом 1935 VII Всемирный конгресс Коминтерна, в частности, обративший внимание коммунистов на необходимость больше, чем прежде, уделять внимание национальным проблемам своих стран, сильно помог КПА в выработке ей ясной политической линии. На общеавстрийской конференции в августе 1937 генеральный секретарь ЦК КПА Коплениг заявил: «В результате прихода гитлеровского фашизма к власти борьба за независимость Австрии стала не только решающим вопросом для судьбы австрийского народа, но и важным фактором в борьбе за мир и прогресс в Европе... Это означает, что наша задача состоит в том, чтобы дать демократическое содержание и прогрессивную перспективу воле народа к независимости. Это означает, что австрийский рабочий класс и прогрессивные силы должны теснейшим образом сочетать борьбу за подлинно независимую Австрию с борьбой за свободу и демократическое самоопределение народа. Это означает, что мы должны направить острие борьбы против гитлеровского фашизма, против его агентов и непосредственных союзников в Австрии, а также против тех, кто пытается использовать в реакционных целях волю народа к независимости, против

авторитарного режима диктатуры, подчиняющего интересы страны и народа империалистическим интересам германского и итальянского фашизма. Тем самым мы служим подлинным интересам австрийского народа, а также делу мира и прогресса в Европе».

Первоочередной⁵⁷ стала задача ясной демонстрации, что при Аншлюсе шла речь не о воссоединении немецкой нации, а об аннексии со стороны империалистической Германии, об уничтожении национальной самостоятельности австрийской нации, формирование которой тогда только шло. Коммунисты первыми и единственным, исходя из научных принципов марксизма, поставили вопрос о возникновении и существовании самостоятельной австрийской нации и дали на него положительный ответ и приступили к агитации населения. Значительный вклад в это внесли статьи члена ЦК КПА Альфреда Клара. Революционные социалисты и их ментор Бауэр восприняли положения Компартии как плод фантазии и настаивали на принадлежности австрийцев к немецкому народу.

Поскольку независимость Австрии была национальным делом, то австрийский рабочий класс старался вовлечь в борьбу за независимость непролетарские слои народа, среди которых нацисты в первую очередь искали себе поддержку. КПА выступила с лозунгом создания Народного фронта, направленного против австрофашистов и нацистов, и, не отказываясь от грядущего установления диктатуры пролетариата, поставила своей целью восстановление буржуазной республики. Помогало в деле организации фронта и то, что после пакт 11 июля 1936 весьма обострил оппозиционные настроения населения, которые охватили даже сторонников правительства. Но лозунги коммунистов натолкнулись на

сопротивление революционных социалистов, осудивших их как реформистские. Сами социалисты требовали от непролетарских слоёв подчинения своей программе, направленной на немедленное установление диктатуры пролетариата, и сомневались в возможности мобилизации непролетариев и даже рабочих-католиков на борьбу. Но борьбу за народный фронт поддержало общеавстрийское руководство свободных профсоюзов, которые достигли значительных успехов в своей легальной деятельности⁵⁸.

В НАЧАЛЕ 1938 ГЕРМАНСКИЙ РЕЙХ, ГОТОВЯЩИЙСЯ К НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И НУЖДАЮЩИЙСЯ ПОЭТОМУ В АВСТРИИ, ПРИСТУПИЛ НЕПОСРЕДСТВЕННО К АНШЛЮСУ.

После серии террористических актов со стороны австрийских нацистов, 12 февраля 1938 Гитлер вызвал канцлера фон Шушнига к себе в Берхтесгаден. Под угрозой применения военных мер последнему было навязано новое соглашение: всеобщая амнистия членов DNSAP; назначение лидера DNSAP Артура Зейсс-Инкварта на пост министра внутренних дел Австрии; увольнения начальника австрийского генштаба Альфреда Янзы; включение DNSAP в Отечественный фронт. Условия эти были настолько возмутительны, что правительство не решилось их сразу публиковать. Когда же они открылись, КПА обратилась ко всему австрийскому народу с призывом: «Австрия находится в величайшей опасности. Речь идёт о её судьбе, о независимости нашей страны...

Присоединению Австрии к Германии можно воспрепятствовать, можно эффективно отстаивать австрийскую независимость, если все австрийцы, выступающие за независимость стран, объединят свои силы...»

Возбудилось и само австрийское население. Рабочий класс высказался совершенно недвусмысленно, развернув невиданное доселе широкое движение против Аншлюса. Уже 14 февраля несколько доверенных лиц с предприятий сообщили руководству Единого профсоюза, что среди рабочих господствует беспокойство и они готовы предпринять некоторые шаги. Когда же 16 февраля стало известно о назначении Зейсс-Инкварт, рабочих охватила глубокая тревога. Даже христианско-социальная рабочая газета «Oesterreichische Arbeiter-Zeitung» выразила в осторожной форме оппозиционные настроения. После речи Гитлера по радио 20 февраля, которая также передавалась по австрийскому радио, рабочие преодолели рамки нелегальности, и на предприятиях и собраниях Единого профсоюза социалисты и коммунисты выступали уже совершенно открыто. Вскоре вновь был создан комитет представителей рабочих, состоявший из доверенных лиц важных крупных предприятий. Председателем его стал коммунист, рабочий-металлист Алоис Кёлер. 19 февраля Комитет сообщил руководству Единого профсоюза, что на его конференциях 20 и 21 февраля члены Комитета выдвинули предложение следующей резолюции: «Доверенные лица австрийского рабочего класса выражают страстную волю выступить за свободу Австрии, за её независимость и достоинство. Австрийские рабочие стоят за мир, но не за мир любой ценой...» Узнав об этом, фон Шушниг попытался добавить в резолюцию заявление, что рабочие также выступают за канцлера, за независимую, свободную, христианскую и немецкую Австрию. Данную поправку приняла конференция

председателей профсоюзных организаций, но отклонили многие предприятия и другие конференции. В результате сама резолюция успела собрать за 2 дня более миллиона подписей, но фон Шушниг запретил дальнейший сбор подписей. Комитет канцлер отказывался принять в течение 2 дней, даже после предложений этого со стороны президента Микласа. Вместо этого члены комитета встретились с ведущим функционером Отечественного фронта, бургомистром Вены Шмицем и с шефом государственной полиции Вайзером. Последний хотел в первую очередь узнать настоящие настроения рабочих. В конце 2-часовой беседы делегация указала, что правительство должно действовать быстро и в первую очередь совершить какую-нибудь акцию, которая показала бы рабочим, что в связи с приходом к власти национал-социалистов они могут потерять нечто весьма ценное, что следует защищать.

21 февраля на ряде предприятий начали стихийные выступления, стачки, некоторые из которых продолжались в течение 2 часов. Не обмануло рабочих и назначение перебежчика в Отечественный фронт социал-демократа Вацека на пост статс-секретаря по охране труда и распространения амнистии на коммунистов и социал-демократов.

3 марта Комитет посетил канцлера. Требования рабочих были следующими: «Полная свобода австрийским рабочим и служащим в вопросах мировоззрения и убеждения, по меньшей мере в той же степени, в какой она обеспечивается нацистам; Полное самоуправление для рабочих и служащим во всех предназначенных для них институтах и социальных учреждениях; Свободная, независимая рабочая пресса; Обеспечение социального курса, который, в частности, должен гарантировать известную свободу передвижения рабочим и

их доверенным лицам...» Фон Шушниг не дал согласия, но и не отказал. Комитет получил разрешение созвать более широкое собрание доверенных лиц. В результате длительного спора он смог достичь согласия с руководителями нелегальных профсоюзов о создании единого комитета по переговорам. Совместная конференция была проведена 7 марта, в ней участвовали коммунисты и революционные социалисты. В результате её работы были выбраны 2 комитета переговоров — по профсоюзным и по политическим вопросам.

В то время как КПА всеми силами старалась укрепить боевой дух рабочего класса, руководство Революционных социалистов, смотря только на колеблющееся правительство Шушнига, заняло капитулянтскую позицию, предвещая скорую гибель независимой Австрии. Под давлением рабочих масс и собственных сторонников оно было вынуждено сменить курс, но и тогда продолжило противодействовать коммунистам, которые выдвинули требования защиты Австрии без каких-либо условий, понимая, что после отражения атаки нацистов рабочим уже нельзя будет отказаться в легальной деятельности. Лидер социалистов Буттингер в своих последних указаниях местным организациям 6 марта дал совет прекратить всякую деятельность.

**ОДНАКО И ФОН ШУШНИГ НЕ ЖЕЛАЛ
МОБИЛИЗАЦИИ РАБОЧИХ, ВТОРОЙ ВСТРЕЧИ
ЕГО С РАБОЧИМИ НЕ ПРОИЗОШЛО. ВМЕСТО
ЭТО ОН РЕШИЛ ДЕЙСТВОВАТЬ
САМОСТОЯТЕЛЬНО, 8 МАРТА ЗАПЛАНИРОВАВ**

НА 13 МАРТА ПЛЕБИСЦИТ ПО ВОПРОСУ О НЕЗАВИСИМОСТИ АВСТРИИ, О ЧЁМ НАЦИСТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ НЕМЕДЛЕННО СООБЩИЛИ В ГЕРМАНИЮ. 9 МАРТА ЖЕ О ПЛЕБИСЦИТЕ БЫЛО ОБЪЯВЛЕНО ВСЕЙ АВСТРИИ. КОММУНИСТЫ ПРИЗВАЛИ ВСЁ НАСЕЛЕНИЕ СТРАНЫ НЕЗАВИСИМО ОТ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ К СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЕ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОГО ФАШИЗМА.

В своём воззвании от 10 марта, в частности, говорилось: «Коммунистическая партия призывает всех рабочих и трудящихся сказать во время плебисцита “да”. Рабочие, трудящиеся! Ваше “да” отдано свободной, независимой и социальной Австрии, которая должна стать оплотом мира, прогресса и свободы — против фашистских разжигателей войны». Руководство Революционных социалистов же выдвинуло лозунг «Сперва стать свободными, а затем бороться!». Начались рабочие манифестации, которые не могли затмить демонстрации нацистов, кое-где уже заручившихся поддержкой госаппарата. Решимость рабочих передалась и непролетариям, стихийно возник народный фронт.

Становились понятны результаты грядущего голосования. Они были недопустимыми для Германского рейха, поэтому 11 марта в первой половине дня Гитлер потребовал у Шушнига отменить плебисцит. В то время как представители канцлера всё ещё вели переговоры с комитетом рабочих, которые сами были готовы к борьбе, канцер капитулировал. Вслед за этим Герман Геринг, взявший в свои руки руководство операцией, потребовал отставки фон Шушнига и создания DNSAP нового правительства, на что канцлер также согласился во второй половине дня, перед этим отдав приказ войскам отойти от границы и не оказывать сопротивление. Новым канцлером Миклас был вынужден назначить Зейсс-Инкварта. Примерно в 21 час германские войска перешли границу, а в 23 часа поступила официальная просьба об этом от нового канцлера. 12 марта подал в отставку Миклас, а 13 марта Гитлер подписал закон об Аншлюсе. Только 2 государства выступили против поглощения Австрии — СССР и Мексика. Ноты советское правительства иностранным государствам с предложением немедленно через Лигу наций или другим образом воспрепятствовать Германии были отклонены.

Путь Коммунистической партии Австрии за 20 первых лет её существования был наполнен борьбой за влияние на массы и марксистскую теорию. Главным её конкурентом на этом поприще стала Социал-демократическая рабочая партия Австрии — массовая, хорошо организованная рабочая партия с правым реформистским руководством, декларирующим свою революционность и приверженность марксизму. В течение всех этих 20 лет руководство СДРПА боролось с коммунистами — подавляя их в 1919 году, игнорируя их предложения об едином фронте пролетариата. Даже после политического банкротства правые лидеры социал-демократии и их сторонники внутри страны

в лице Революционных социалистов вставляли палки в колеса коммунистов. Сильно осложнило положение КПА и отсутствие предваряющего создание коммунистической партии периода борьбы внутри партии социал-демократической. В следствие этого вплоть до 34 года массы рабочих в основном оставались верны социал-демократии. Тем не менее, КПА не выродилась, смогла преодолеть и свою леворадикальность 1918 года, и раскол года 1922. После 1927 года она постоянно увеличивала свое влияние. Новое руководство партии давало верную оценку ситуации в Австрии и направляло силы партии в нужном направлении, благодаря чему коммунисты всегда оказывались на переднем фланге пролетарской борьбы. Но КПА не успела стать достаточно сильна к 38 году.

**АВСТРОФАШИЗМ КАПИТУЛИРОВАЛ ПЕРЕД
ГЕРМАНСКИМ НАЦИЗМОМ, И АВСТРИЮ
ЖДАЛО 7 ЛЕТ В СОСТАВЕ ГЕРМАНСКОГО
РЕЙХА. КПА ЖДАЛО 7 ЛЕТ НЕРАВНОЙ
БОРЬБЫ, ЧАСТО БЕЗ ПОДДЕРЖКИ
НАСЕЛЕНИЯ.**

**ОТНОШЕНИЕ АВСТРИЙСКИХ ПАРТИЙ К АНШЛЮСУ
ДО 1934.**

Стоит отметить, что национальный вопрос СДПГА, прародитель КПА, была вынуждена решать ещё до Первой мировой войны. Раскол партии на национальные отделения, закреплённый в Брюнской программе партии 1899

года в качестве требования культурной автономии народов в рамках существующего строя, явился следствием реформизма руководства партии на местах, скрываемой за интернационализмом великогерманской политики высшего немецкого руководства партии. Они стремились укрепить главенствующее положение немцев в Монархии, сохранить её саму, улучшить положение немецких квалифицированных рабочих за счёт инородцев. Результатом стала конкуренция отделений СДРПА на местах, временные парламентские коалиции депутатов СДРПА с национальной буржуазией. Это ещё сильнее усилило влияние буржуазии на социал-демократию.

После гибели Монархии СДРПА последовательно выступала за Аншлюс Австрии Германией, необходимость которого они обосновывали экономическими доказательствами недееспособности новорожденной республики, апелляцией к культурной и экономической близости Австрии к Германии. Кроме того, у руководства СДРПА был личный интерес — за счёт объединения с правящей Социал-демократической партией Германии они рассчитывали усилить свои собственные позиции⁵⁹. Но сначала СДПГ, понимавшая, что победившая в Войне Антанта Аншлюса не допустит, а затем и сама Антанта, которая не могла позволить усиления Германии (а Аншлюс бы компенсировал ей все территориальные потери) категорически отказали австрийцам. СДПРА не отступились от своих идей Аншлюса, проводила направленную на него политику. Несмотря на то, что после 1933 СДПРА вычеркнула требование об Аншлюсе, некоторые правые лидеры социал-демократии, например, Реннер, поддержали нацистский Аншлюс 1938-ого.

ХСП, а позже и производный от неё Отечественный фронт Дольфуса,

поддерживали Аншлюс частично — они отставили тезис о том, что Австрия — второе, лучшее, чем сама Германия, немецкое государство, о «немецкой миссии Австрии».

Австрийская буржуазия поддерживала Аншлюс с самого начала существования Первой республики, т.к. так же, как и социал-демократы, усматривала в Германии гарант своей собственной власти. Частичным исключением являлись те банкиры и промышленники (в основном, евреи), поддержавшие Хаймвер и позже Отечественный фронт, которые, боясь германского капитала, выступали за зависимость Австрии от фашистской Италии.

КПА же начала бороться против Аншлюса ещё в 1921. В резолюции IV съезда КПА отмечалось: «Коммунисты борются... против иллюзорного и контрреволюционного лозунга аншлюса». VIII съезде партии (1925) почти единогласно принял решение против пропаганды Аншлюса, заклеив её «как буржуазно-социал-демократический обманный манёвр... с целью скрыть от австрийского пролетариата причины его бедственного положения, отвлечь его от необходимости вести борьбу», «как попытку империализма удовлетворить свои современные континентальные стремления к расширению власти и подготовке войны против Советского Союза». В 1931 Компартия была единственным противником экономической предтечи Аншлюса, плана Шобера-Курциуса по организации таможенного союза между Германией и Австрией⁶⁰, заклеив его как явную помощь германскому империализму.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Поддержало войну и подконтрольное социал-демократам руководство профсоюзов. Оно стремилось увеличить производительность рабочих и подавить выступление за повышение зарплаты, открыто хвалилось этим в прессе ↩
2. Как отмечает Ф.Фюрнберг, к 1918 году эта группа была ещё менее готова, чем прародитель Компартии Германии — Союз Спартака ↩
3. Германские социал-демократы идею Аншлюса не поддержали. 21 октября 1919, после ратификации Национальным собранием Сен-Жерменского мирного договора, в частности, запретившего Аншлюс, и соответствующего ему раздела территорий, Германская Австрия стала полностью независимой Республикой Австрией ↩
4. якобы родившейся на основе соглашения между классами (в действительности же экономическая власть буржуазии не была затронута) ↩
5. Эта риторика не позволила коммунистам быстро увеличить своё влияние на массы ↩
6. За 15 лет сменился 23 кабинета министров и 12 канцлеров ↩
7. Режим Дольфуса-Шушнига ↩
8. Также из-за этого пролетариат был менее восприимчив к пропаганде новой партии ↩
9. 1920, В.И. Ленин, «Заметки публициста»: «В Австрии коммунизм пережил

тяжелейший период, кажется, не вполне еще конченный: болезни роста, иллюзию, будто, объявив себя коммунистами, группа может стать силой без глубокой борьбы за влияние среди масс, ошибки в выборе лиц (ошибки, неизбежные вначале для каждой революции; у нас таких ошибок был целый ряд)» ↩

10. урождённая Эйслер, в 1919 в Германии взяла псевдоним Рут Фишер ↩
11. Одним из таких пленных был будущий секретарь КПА, член Партии большевиков Иоганн Коплениг ↩
12. Кроме того, по утверждению Арнольда Райсберга, для взятия власти КПГА всё ещё была слишком слаба ↩
13. Эта поддержка укрепила контрреволюционные силы в самой Австрии, помогла им консолидироваться ↩
14. 130 человек ↩
15. Которое было впервые опубликовано именно в партийном печатном органе КПА ↩
16. Утверждения Компартии о том, что требуемую сумму на покрытие дефицита можно изъять у капиталистов и крупных землевладельцев, были отвергнуты ↩
17. Этот кредит смог покрыть дефицит госбюджета и стабилизировать курс национальной валюты ↩
18. Специальный комиссар Лиги Наций, выполнявший свои обязанности вплоть до 1926, единолично распоряжался доходами от австрийских пошлин и акцизов ↩
19. Тактику СДРПА хорошо описал 5 съезд КПА 1922 года: «Социал-демократическая партия будто находилась в оппозиции. Выступая на словах, а иногда выдвигая предложения и голосуя как противник буржуазии, социал-демократическая партия на деле соблюдает благожелательный нейтралитет в отношении буржуазного правительства, который зачастую доходит до его

неприкрытой поддержки. Социал-демократическая партия одобряла и поддерживала важные мероприятия буржуазного правительства в области финансов и экономической политики, которые возложили на рабочий класс огромное бремя, ведут к его обнищанию. Решающим для характеристики отношения социал-демократической партии к классу капиталистов в Австрии было то, что она с полным сознанием и всей своей энергией старалась удержать рабочий класс от борьбы вместо того, чтобы повести его на борьбу против буржуазии». Этой тактики социал-демократия придерживалась вплоть до своего запрета Дольфусом ↔

20. Но, в конечном итоге, оказался предателем дела Партии, вступив после Аншлюса в SA и NSDAP ↔
21. Как было отмечено выше, было потеряно влияние на массы; работа в профсоюзных организациях, полностью подконтрольных СДРПА, с социал-демократическими рабочими была организована плохо; активистов не хватало; плохо была организована партийная печать ↔
22. Внутри партии это видели и в речи на Первомай 1924 Коплениг констатировал: «Наступление капитала в экономической сфере дополняется усилением реакции в политической области», а на венской партийной конференции 1925 предостерегал: «Если мы не сможем мобилизовать массы против реакции и фашизма, то появится опасность, что реакция разобьёт рабочий класс прежде, чем он начнёт борьбу» ↔
23. Лидерами Хаймвера, зародившегося ещё в 1918, были отставные офицеры, бывшие аристократы и буржуа, а социальной базой — крестьянская молодёжь и люмпен-пролетариат. Изначально у них не было собственной политической программы и они выступали как боевые отряды буржуазных партий, но потом стали всё более самостоятельными, стали брать пример с итальянских

фашистов. Социал-демократия недооценивала Хаймвер, считала его бандами люмпен-пролетариата (что не мешало им, однако, его поддерживать в 1919 и 1920 годах). Коммунисты же разоблачали Хаймвер как пособников капиталистов, пытались ещё в 1923 организовать единый фронт против него с социал-демократами ←

24. Часть этих запасов (32000 винтовок, 665 пулемётов, 20000 переделанных итальянских карабинов, 400000 боевых патронов) весной 1927 были выданы против воли рабочих лидерами социал-демократии правительству ←
25. Это было далеко не первое оправдание членов фашистских организаций ←
26. Итогом стало 90 убитых и около 1000 раненых ←
27. В частности, был арестован находившийся тогда в Вене Вильгельм Пик ←
28. В этот момент Хаймвер как раз и получил свою собственную, анти-республиканскую политическую программу. Более того, он вырос в силу, конкурирующую с ХСП ←
29. Выступления эти во многом были организованы ХСП, итальянскими и венгерскими фашистами, поддержаны частью крупного австрийского капитала. ←
30. Союз Югославии, Румынии и Чехословакии, созданный в 1920-21 ←
31. Также известен тем, что его отряд германского Фрайкора был исполнителем убийства К.Либкнехта и Р.Люксембург в январе 1919 ←
32. Германская Национал-Социалистическая рабочая партия, австрийский филиал NSDAP ←
33. В 1931 банк Ротшильдов Kreditanstalt располагал 60 % всего акционерного капитала и контролировал $\frac{3}{4}$ крупных и средних предприятий в стране ←
34. По оценке О.Бауэра, весной 1932 вся молодёжь Австрии была безработной ←
35. До 1936 был возвращён Комиссар Лиги Наций, в залог займа были отданы

австрийские железные дороги, на которых были проведены значительные увольнения ↩

36. Во время обсуждения проекта 1 конституции депутат от ХСП безуспешно пытался обратить внимание президента Реннера на этот закон; при изменениях конституции в 1929 году социал-демократы некоторое время требовали отмены этого закона ↩
37. Внештатные служащие были уволены, низшие категории оплатились 4%-снижением заработной платы, средние получили предупреждение об увольнении ↩
38. Перед этим на заседании правления партии 7 марта произошло острое обсуждение данного вопроса. За применение крайних мер выступили, в частности, старый партиец Вильгельм Элленбоген и лидеры профсоюзов. Против — в частности, О.Бауэр ↩
39. Она попыталась упразднить венский хаймвер, но этому помешал шеф венского хаймвера, министр внутренних дел Фей ↩
40. Международная организация помощи борцам революции ↩
41. Вывоз леса упал с 27000 вагонов в 1932 до 1 вагона в 1933 ↩
42. Когда друзья по ХСП призывали Дольфуса к умеренности, он ссылаясь на то, что не может действовать по-другому, т.к. «иначе Муссолини бросит меня в пасть Гитлеру» ↩
43. Несмотря на то, что Ландбунд всё больше сближался с нацистами, следуя логике самосохранения, он выступал за демократические свободы ↩
44. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 391 ↩
45. Как отметил А.Ю. Ватлин, Дольфус убрал церковных иерархов из большой политики и взял себе на вооружение их программу ↩
46. Была выполнена только первая часть требования, комитет имел совещательный

характер ↩

47. Но те уже были слишком слабы и могли вмешаться только в результате мощного выступления рабочего класса ↩
48. После своего ареста Реннер заявил следователю: «В четверг, 8 февраля 1934 г., я был до обеда в парламенте, где состоялось заседание клуба... Все сообщения сводились к тому, что Фей в ближайшую неделю совершит государственный переворот. Неясно было только, с Дольфусом или без него... Мы не можем больше ничего предпринять и должны быть готовыми ко всему... Наша совесть чиста, историческую ответственность несут другие...» ↩
49. Даже наблюдатели из лагеря врага позднее замечали, что в случае наступления у Шуцбунда были шансы на победу, по крайней мере, в Вене ↩
50. В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 79. ↩
51. Это были вынуждены признать даже беглые социал-демократические вожди, в своей агитации и пропаганде сблизившиеся с коммунистами ↩
52. Важно отметить, что перед съездом по всем областям Австрии прошли подготовительные подпольные конференции, на которых обсуждалась платформа Съезда и были избраны делегаты ↩
53. Кроме того, из-за этой победы Австрия оказалось в международной изоляции, один на один с остальными европейскими фашистами ↩
54. Старые же лидеры профсоюзов, поддержанные социал-демократами, были против восстановления профсоюзов ↩
55. Фридрих Адлер, бывший тогда секретарём Социалистического рабочего интернационала, в своём письме руководству «Революционных социалистов» от 10 июня 1934 г. писал: «Подобный шаг может быть полезен для выяснения подлинных намерений коммунистов. Каждый раз, когда этот шаг будет повторяться, он снова покажет, что для коммунистов разговор о единстве

является всего лишь маневром. Мы всегда готовы заключить честный пакт о ненападении, но коммунисты не могут соблюдать это соглашение вследствие их тактики» ←

56. КПА даже была вынуждена просить Бауэра использовать своё влияние в интересах установления единого фронта ←
57. По мнению А.Райсберга, без проведения черты раздела между австрийской и немецкой нациями были бы иллюзорны все усилия сохранить границу между Австрией и Германией ←
58. Благодаря их действиям легально выдвигались требования к правительству, из Единого профсоюза выдавливались назначенные режимом лица, например, председатель профсоюза металлистов хаймверовец Теодор Цнидарек, неосторожно высказавшийся в поддержку нацистов. Фон Шушниг даже был вынужден пойти на переговоры со старыми профсоюзными деятелями, предлагая им ряд оплачиваемых постов в Едином профсоюзе, но этот манёвр был раскрыт КПА ←
59. Кроме того, пропаганда Аншлюса была направлена и против коммунистов ←
60. Данный таможенный союз так и не был заключён из-за решения Международного суда в Гааге, недовольства общественности Англии и Франции и экономического нажима Малой Антанты ←